

Ю. С. ХУДЯКОВ

КЫРГЫЗЫ НА ЕНИСЕЕ

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РСФСР**

**НОВОСИБИРСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА**

ХУДЯКОВ Ю. С.

КЫРГЫЗЫ НА ЕНИСЕЕ

Учебное пособие

**НОВОСИБИРСК
1986**

ББК Т4(2)45.1
УДК 930.26(571.51)

Худяков Ю.С.
Кыргызы на Енисее:
Учеб.пособие /Новосиб.
ун-т.- Новосибирск,
1986. - 80 с.

Учебное пособие представляет собой систематизацию проблем истории и археологии енисейских кыргызов в эпоху средневековья. Подробно изложены вопросы этнонимии тюркоязычного населения Среднего Енисея, эволюции и происхождения кыргызской культуры, принадлежности к определенному культурно-хозяйственному типу. Анализ многих дискуссионных проблем позволил сформулировать обоснованные выводы о принадлежности культуры енисейских кыргызов кругу кочевых культур Саяно-Алтая и Центральной Азии.

Учебное пособие рассчитано на студентов и преподавателей вузов, специалистов в области средневековой археологии Сибири.

Рецензенты: канд.ист.наук И.В.Асеев, канд.ист.наук
М.И.Рижский

Рекомендовано редакционно-издательским советом НГУ для специальности 2008.

Новосибирский государственный
университет, 1986

Благодаря широкомасштабным раскопкам памятников средневековых кочевников, земледельцев, охотников на территории Северной и Центральной Азии, проводившимся в течение последних десятилетий, значительно расширился круг знаний по истории этого региона в период средневековья. С определенной долей уверенности ученым удалось идентифицировать сведения письменных источников о средневековых племенах и народах: тюрках, уйгурах, кыргызах, кимаках, курыканах, байырку, шивэй, мохэ, чжурчженях, монголах с археологическими культурами, что намного увеличило возможности изучения политической, военной, этнической истории в степной и лесостепной части Азии.

Важное место в развитии средневековой археологии Северной Азии принадлежит изучению культуры енисейских кыргызов. Памятники кыргызской культуры одними из первых привлекли внимание ученых ввиду своей информативности, приуроченности к району Саяно-Алтая, возможности использования для их интерпретации письменных и этнографических источников. Кыргызские древности исследуются со все возрастающей интенсивностью уже более 250 лет. Высокая степень изученности этих материалов способствовала тому, что без их учета в настоящее время не проводится определение хронологии, этнокультурной принадлежности и направленности культурных контактов в пределах степного пояса Евразии. Аналогии кыргызским вещам усматриваются в средневековых культурах от Приморья до Венгрии.

Это способствует и стимулирует дальнейшие изыскания в различных областях материальной и духовной культуры, социально-экономических отношений, политической и военной организации кыргызского общества, этнической ситуации в их государстве.

Кыргызы, создавшие самостоятельное государственное образование на юге Сибири в раннем средневековье, просуществовали в качестве политического и этнического целого на Енисее почти две тысячи лет, вплоть до включения Минусинской котловины в состав России в начале XVIII в. В IX – X вв. на сравнительно непродолжительный период, около 80 лет, кыргызы смогли подчинить обширные просторы Центральной Азии. В ходе кыргызского "великодержавия" и позднее при монгольском владычестве отдельные

группы киргизов широко расселились по степям Азии от Маньчжурии до Тянь-Шаня и Поволжья. Енисейские киргизы вошли в качестве этнических компонентов в состав многих современных тюркоязычных и монголоязычных народов: киргизов Тянь-Шаня, фуийских киргизов, тувинцев, хакасов, якутов, башкир, ногайцев, калмыков и др.

С момента своего вхождения в состав России коренные земли киргизов, долина среднего Енисея, стали объектом изучения ученых, натуралистов, путешественников. По Минусинской котловине пролегли маршруты первых академических экспедиций XVIII в. Выдающиеся исследователи прошлого — Даниэль-Готлиб Мессершмидт, Иоганн Филипп Табберт фон Страленберг, Герард Фридрих Миллер, Иоганн Георг Гмелин обратили внимание на курганы, изваяния, наскальные рисунки, рунические надписи, предложили первые опыты классификации наземных сооружений древних могил, дали свою интерпретацию результатов изучения I^{*}.

Эта работа была продолжена Питером-Симоном Палласом, Матвеем-Александром Кастреном, Вильгельмом Радловым². Параллельно с обследованием и раскопками, идентификацией полученных находок с историческими данными происходил ввод в научный оборот сведений письменных источников о киргизах, осуществленный к середине XIX в. Вильгельмом Шоттом и Н.Я.Бичуриным (отцом Иакинфом)³. В результате исследователи конца XIX — начала XX в. — А.В.Адрианов, Д.А.Клеменц, И.П.Кузнецов-Красноярский могли с большей долей уверенности принимать или отвергать отождествление археологических материалов из Минусинской котловины с киргизской культурой⁴. Весьма значительным событием в южно-сибирской археологии прошлого века была работа финской экспедиции в составе Иоганна Рейнгольда Аспелина, Ялмара Аппельгрена-Кивало, Акселя Олая Карла Гейкеля по фиксации памятников рунической письменности, петроглифов, каменных изваяний⁵. Расшифровка Вильгельмом Томсеном рунической письменности и пере-

---

* Для связи текста книги с библиографическими затекстовыми ссылками используем отсылки в тексте в виде цифр (порядковых номеров) по ходу текста.

вод текстов Вильгельмом Радловым обогатил науку новым кругом источников. В 20-е годы ряд обобщающих работ по истории кыргызов с привлечением китайских и арабо-персидских источников, а также русских документов XVII в. был выполнен В.В.Бартольд, Г.Е.Грум - Гржимайло, Н.Н.Козьминим⁶.

В археологическом изучении кыргызских древностей в этот период произошло одно из самых важных событий. При создании периодизации культур эпохи металла в Минусинской котловине С.А.Теплоуховым были выделены кыргызские и тюркские, а также другие средневековые памятники⁷. Позднее изучением кыргызской культуры занялись С.В.Киселев, Л.А.Евтихова, В.П.Левашова⁸. Как отмечалось в работе Э.Б.Вадецкой, "в целом раскопки С.В.Киселева подтвердили классификацию С.А.Теплоухова на массовом материале"⁹. В этот период исследуются вопросы общественных отношений, хозяйственных занятий, военного дела в кыргызском государстве, предлагаются новые опыты классификации кыргызских погребальных памятников. Неоправданным допущением вышеназванных авторов было предположение о переходе кыргызов в IX в. на обряд трупоположения с конем.

В 50 - 60-е годы широким фронтом развернулись раскопки кыргызских памятников в Туве. Усилиями С.И.Вайнштейна, А.Д.Грача, Л.Р.Кызласова, Д.Г.Савинова были выделены и идентифицированы кыргызские курганы IX - X вв. на территории Тувы¹⁰. К кыргызской культуре был отнесен и основной фонд кыргызских надписей в этом регионе. Ряд исследователей первоначально сомневался, принадлежат ли кыргызской культуре памятники XI - XII вв., но со временем эти сомнения были оставлены. В те же годы в Минусинской котловине кыргызские памятники раскапывали Э.Б.Вадецкой, М.М.Грязновым, А.А.Гавриловой, Л.П.Зяблиным, Р.В.Николаевым, Л.Р.Кызласовым, А.Н.Липским. Данные о кыргазах были обобщены в коллективных трудах и монографиях¹¹.

В 70 - 80-е годы кыргызские памятники в Туве изучались Г.В.Длужневской, в Минусинской котловине - Л.Р. и И.Л.Кызласовыми, Я.И.Сунчугашевым, А.С.Поляковым и автором настоящей работы¹². Кыргызские памятники были открыты и идентифицированы на Алтае, в Западной Сибири, Красноярско-Канском районе, Забайкалье, Монголии, Восточном Казахстане, Восточном Туркестане.

В результате усилий многих исследователей киргизская культура в хронологическом охвате с VI по XIV в. изучена достаточно основательно. Переведены и обобщены сведения разноязычных письменных источников о средневековых киргизах. Открыты, исследованы, систематизированы многочисленные археологические памятники, принадлежавшие киргизам на Верхнем и Среднем Енисее. Определены границы распространения киргизской культуры в различные исторические периоды. Уточнена хронология и периодизация киргизских памятников на протяжении раннего и развитого средневековья. Изучено вооружение и военное искусство киргизов. Рассмотрены вопросы о металлургическом ремесле и других видах хозяйственных занятий у киргизов. Затронуты этнокультурные связи киргизов с кимаками, населением Забайкалья и Западной Сибири.

Однако многие вопросы, несмотря на повышенный интерес к ним и увеличение числа специальных работ, продолжают оставаться предметом острой дискуссии. Некоторые проблемы далеки от адекватного решения. Отдельные периоды истории киргизов остаются совершенно не изученными. Существенный разрыв сохраняется в оценках политической и военной истории киргизов, принадлежности их к определенному культурно-хозяйственному типу. По-разному оценивается роль киргизов в культурогенезе и этногенезе кочевых народов Азии. В отдельных работах этноним "киргиз" употребляется не в подлинном, а в искаженном китайском звучании¹³. Если до середины 50-х годов основные фонды по археологии енисейских киргизов были получены в ходе исследования Минусинской котловины, то позднее в научный оборот был введен обширный массив источников по киргизской культуре с территории Тувы.

В связи с поисками границ киргизского государства IX - X вв. и выделением киргизских памятников за пределами Саяно-Алтая возникла необходимость коррекции характерных особенностей киргизского погребального обряда "трупосожжения на стороне", соответствие которого сведениям письменных источников о заупокойной обрядности киргизов было надежно доказано, благодаря чему он послужил основным критерием для определения принадлежности того или иного памятника киргизской культуре. Однако со временем выяснилось, что на многих соседних с Киргиз-

ским каганатом территориях данный обряд возник задолго до того момента, когда, по историческим сведениям, на эти земли проникли кыргызы. Вариативность обряда кремации умерших оказалась весьма велика, многие его элементы не имеют соответствия обрядности кыргызов на Верхнем и Среднем Енисее.

Не вполне надежным источником для определения границ распространения кыргызской культуры оказались рунические надписи, тамги, петроглифы ввиду широты территории, на которой они встречаются, и отсутствия надежного критерия для отнесения конкретных памятников собственно кыргызам на землях за пределами их основного расселения. Исключение составляют надписи с упоминанием этнонима "кыргыз", которых очень немного. Весьма ограниченными оказались этнодиагностические признаки предметного комплекса кыргызской культуры, характерного в раннем и развитом средневековье для всего Саяно-Алтая как историко-культурного района. Отдельные категории инвентаря характерны для Центральной Азии в целом.

Лишь при условии систематизации всех наличных данных и учета взаимовстречаемости отдельных элементов в конкретных комплексах открывается возможность дифференцировать из общего массива средневековых памятников материалы кыргызской культуры.

Рост массива источников по кыргызской культуре и интенсификация исследований в данной области наряду с расширением знаний о предмете изучения привели к оформлению новых научных проблем, отражающих качественно новый уровень изучения этой средневековой кочевнической культуры.

В этих условиях особую актуальность приобретает обобщение достигнутого уровня исследования кыргызской культуры, тем более, что в новейшей литературе по данным проблемам опыта такого рода отсутствуют. Анализу накопленных материалов и дискуссионных проблем по средневековой истории и археологии енисейских кыргызов и синтезу имеющихся данных посвящена настоящая работа. Выражаем надежду, что систематическое изложение вопросов изучения кыргызской культуры поможет студентам, специализирующимся в области средневековой археологии Сибири, лучше ориентироваться в данной проблематике.

1. Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв.ЛИАИ.- Кемерово, 1970.- Вып. 6.- С.95-100; Мартынов А.И. История изучения древнейшего прошлого Сибири // Материалы по древней истории Сибири.- Улан-Удэ, 1964.- С. 12-13; Худяков Ю.С. Киргизы на Табате.- Новосибирск, 1982.- С. 6-7.

2. Радлов В.В. Сибирские древности.- Спб., 1896.- С. 8.

3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.- М.;Л., 1950.- Ч.1.- С. 354.

4. Адрианов А.В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае.- Минусинск, 1902-1924.- С. 41-44, 53-54, 58-61, 68; Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея.- Томск, 1886.- С. 64; Кузнецов И.П. Древние могилы Минусинского округа.- Томск, 1889.- С.15.

5. Худяков Ю.С. Киргизы на Табате. Указ.соч.- С. 11-12.

6. Бартольд В.В. Киргизы // Соч.- М., 1963.- Т.2.- С.489; Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край.- Л., 1926.- Т. 2.- С. 395; Козьмин Н.Н. Хакасы.- Иркутск, 1925.- С.11.

7. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ.-Л., 1929. Т. 4. Вып. 2.- С. 54-58.

8. Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник государственного музея им. Н.Н.Мартынова в г.Минусинске.- Минусинск. 1929.- Т. 4. Вып. 2.- С.154; Он же. Древняя история Южной Сибири // МИА.- М.;Л., 1949.- № 9.- С. 318-342; Евтихова Л.А. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее // Тр.ИУМ.- М., 1938.- Вып. 8.- С. III-122; Она же. Археологические памятники енисейских киргизов (хакасов).- Абакан, 1948.- С.9-10; Левашова В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края.- Красноярск, 1939.- С.52; Она же. Два могильника киргиз-хакасов // МИА.- М., 1952.- № 24.- С.136.

9. Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения...- С. 141.

10. Грач А.Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА, 1969.- Вып. II2.- С. 53; Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Тр. ТКАЭЭ.- М.;Л., 1966.- Т.2.- С.142; Кызласов Л.Р. О южных границах государства древних хакасов в IX - XII вв. // УЗХНИИЯЛИ.- Абакан, 1960.- Вып. 8.- С. 62; Он же. Этапы средневековой Тувы // Вестн.Моск.ун-та.-1964.- Сер. 9.- № 4.- С. 80-83; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века.- М., 1969.- С.110-150; Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии.- М., 1972.- С. 260-263; Вайнштейн С.И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири // УЗТНИИЯЛИ.- Кызыл, 1957.-Вып.5.

11. История Тувы.- М., 1964.- Т.1; История Сибири.- Л., 1968.- Т.1; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века.- М., 1969.

12.Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами (IX - X вв.) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий.- Омск. 1979.- С. 49; Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири.- Л., 1975.- С. 193-210; Он же. Курганы древнехакасской тохтятской культуры в Туве // Вестн. Моск. ун-та.- 1978.- Сер. 8.- № 6.- С. 38; Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII - XIV вв. // СА, 1978.- № 1.- С. 122; Он же. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // Сов. археология, 1980.- № 2.- С. 90; Он же. Аскизская культура Южной Сибири X - XIV вв.- М., 1984; Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа.- Новосибирск, 1979.- С. 100-119; Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.- Новосибирск, 1979.- С. 146-158; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI - XII вв.- Новосибирск, 1980; Он же. Кыргызы на Табате.- Новосибирск, 1982.

13. Кызласов Л.Р. История Тувы...- С. 93; Кызласов И.Л. Аскизская культура ...- С.6.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении со специальной литературой по средневековой истории и археологии юга Сибири и Центральной Азии, это различия в наименовании населения степных районов Минусинской котловины. Большинство исследователей, когда-либо затрагивавших в своих работах проблемы южно-сибирского средневековья, именуют его "кыргызами" (в соответствии с письменными источниками) ¹. В противовес общепринятому мнению, в работах отдельных авторов вместо кыргызов фигурируют некие "древние хакасы" или "средневековые хакасы", а кыргызы признаются лишь "аристократическим династийным родом древних хакасов" ². Наконец, в отдельных работах оба термина отождествляются или объединяются — "кыргызы-(хакасы)", "кыргызы-хакасы" ³ и др.

В чем существо данного разночтения и откуда оно возникло?

Аутентичность термина, в том числе этнонима, может быть удостоверена записью на языке этноса, носителя этнонима или созвучием произношений на разных языках, на которых он был записан. В отношении этнонима "кыргыз" могут быть соблюдены оба критерия. Слова "кыргыз", "кыргызы", "кыргызские" и т.п. наличествуют в текстах рунических эпитафий, приписываемых как самим кыргызам, так и близким им по языку тюркам и уйгурам ⁴. Термин "кыргызы" присутствует в различных вариантах и в текстах, записанных на других языках: греческом — херкис, арабском и персидском — хыргыз, хырхыр ⁵. Весьма различается написание данного термина в китайских текстах ⁶. Из всех имеющихся вариантов основными считаются следующие: для ханьских текстов — цзянь-гунь, для танских — сяцзясы, для юаньских — цзи-ли-цзыси.

Тем самым можно считать установленным, что термин "кыргыз" не только аутентичен, так как безусловно применялся представителями разных стран и народов от запада Европы до востока Азии для обозначения одного и того же этноса, но и являлся его самоназванием, поскольку присутствует в текстах, приписываемых самим кыргызам. Основы, для того чтобы подвергать сомнению его аутентичность, в самих источниках нет.

Откуда же взялся термин "хакасы", и почему отдельные авторы выдвигают его в качестве мнимого "самоназвания большинства трудового населения" ⁷ кыргызского государства, в то время как для этого "большинства" в источниках имеется совершенно другой термин — "кыштым" ⁸.

С XIII в., когда европейской науке становятся доступными средневековые китайские летописи, содержание которых легло в основу исторических сочинений о кочевых народах "Срединной Азии", в научный обиход вошли китайские термины, обозначающие кочевые этносы. Некоторые из них, которым не нашлось убедительного соответствия в языках народов Азии, до сих пор сохраняют свое значение и широко используются в научной литературе, например: динлины, юэчи, сянь-би, жуань-жуани, тйелэ, сейяньто, яньмо, шивей, мохэ и др. К числу таких терминов, обозначающих в летописях и сочинениях танского времени население, проживающее в долине р.Кянь (Енисей), относится термин "хятасы (сяцзя-сы)". Вопреки излишнему оптимизму Л.Р.Кызласова, употребление данного термина отнюдь не делало его произношение и написание однозначным у авторов XIII — начала XX в. ⁹ Поэтому нет ни малейших оснований приписывать им употребление термина "хакас". Так, Ю.Клапрот писал "Ha-Kia-sze", В.Шотт — "Ha-ka-sze", Н.Бичурин — "хагас", В.Радлов — "хакасс" ¹⁰ и др. Уже перед В.Шоттом, автором первой специальной работы по истории енисейских кыргызов, встал вопрос о соотношении терминов цзянь-гунь, хятасы, шилицзисы и кыргызы, и он был однозначно и правильно решен в пользу "истинных киргизов". Таким образом, идентификация хятасов с кыргызами была осуществлена еще на начальном этапе изучения их истории на базе письменных источников.

В сибирской археологии, делавшей первые шаги в плане сопоставления результатов раскопок с историческими сведениями, употреблялся термин "хагас", введенный Н.Бичуриным, со временем получивший более удобную для русского языка форму произношения "хакасс". Этим термином в форме "хагас" пользовались, в частности, Д.Клеменц, И.П.Кузнецов-Красноярский ¹¹ и др. Он вошел в обиход ученых и публицистов, в том числе сибирских областников, ратовавших за обособление "инородцев" в первые десятилетия XX в. Именно из областнической публицистики могла позаимствовать термин "хакасы" в качестве своего "самоназвания" "ту-

земная интеллигенция" ¹², вследствие чего в 20-е годы этот термин закрепился в качестве этнонима за коренным населением современной Хакасской автономной области, находящейся на юге Красноярского края в составе РСФСР.

К моменту, когда это произошло, были открыты, расшифрованы и переведены оригинальные тексты тюркоязычных рунических надписей, принадлежащих, как установлено, самим кыргызам, а также их историческим противникам, тюркам и уйгурам ¹³. Рунические памятники знают на Енисее в период, когда там якобы обитали "хакасы", только кыргызов. Естественно, что термин "хакасы" был определен в качестве одной из китайских транскрипций этнонима "кыргыз". Однако этот важнейший вывод, как и переводы рунических текстов В.Радловым на немецкий язык, остался достоянием академической науки. Хотя для "минусинской интеллигенции" "имя хакас", как утверждал Н.Н.Козьмин, представляет собой "китайскую транскрипцию турецкого имени", оно может быть "в известной степени понятным и идейным лозунгом для культурно-национального возрождения" ¹⁴. Таким образом, к моменту начала национально-государственного строительства на юге Сибири, несмотря на то что к этому времени учеными было установлено тождество китайского слова "хягасы" тюркскому "кыргыз" и тем самым отсутствие у термина "хакас" самостоятельного значения, этот термин обрел новое реальное бытование, став наименованием коренного населения Минусинской котловины. Н.Н.Козьмин, поддержавший термин "хакас" в качестве "понятного и идейного лозунга", сделал попытку обоснования независимого от этнонима "кыргыз" значения слова "хакас", предположив, что оно восходит к "кара-кас", являвшихся наряду с тубинцами (уйгурами) и кыргызами одной из трех групп населения Енисея в средние века ¹⁵.

Выдвинутая точка зрения полна противоречий. Так, утверждая в предисловии к своей работе о различии терминов "хэкас" и "кыргыз" и принадлежности их различным этническим группам, он через несколько страниц их отождествляет: "Хакасы позднее известны были в китайских летописях под именем ки-ли-кидзе, (т.е. киргиз). В сохранившихся надписях на скалах они называют себя "кыргыз". Кроме государства хакасов-кыргыз могут быть

названы менее значительные государства — меркитов, найманов и керайтов" ¹⁶.

Выдвижение искусственного термина "хакас" в качестве названия реально существующей народности, сформировавшейся из различных по происхождению этнических групп в конце XIX — начале XX в., вызвало справедливые возражения В.В.Бартольда, ведущего в тот период специалиста по истории Центральной Азии, создавшего первый в истории отечественной науки сводный очерк по истории киргизов ¹⁷.

В дальнейшем специалисты, работавшие в области истории и археологии киргизов, особенно проводившие полевые работы на юге Сибири, уже не могли не учитывать того факта, что исследуемые ими памятники могли потенциально принадлежать предкам современного коренного населения, получившего в XX в. наименование хакасы. Так в решение данного вопроса вмешался новый фактор. "Хакасами" стали называть средневековое население Минусы не потому, что так их именуют источники, а потому, что в них видят предков современных хакасов. Это особенно наглядно проявилось в принципе двойного наименования: "кыргызы (хакасы)", "кыргызы-хакасы" и т.д. Так писали специалисты, работавшие на Енисее в 20-е — 40-е годы. Например, создатель периодизации культур эпохи металла в Минусе С.А.Теплоухов утверждал: "В более поздних летописях, повествующих о событиях VII — X вв. н.э. (Тан-Шу), есть определенные указания о том, что к этому же времени киргизы (хягас), говорившие на тюркском языке, "перемешались с динлинами", овладев, по-видимому, всей территорией в южной части бассейна Енисея и заняв здесь главенствующее положение" ¹⁸. Двойным наименованием пользовались Л.А.Евтихова и С.В.Киселев, хотя в то же время в одной из своих работ они писали: "Хакас есть китайская транскрипция термина кыргыз" ¹⁹. "Кыргыз-хакасы", а иногда и просто "хакасы" фигурируют в работах В.П.Левашовой ²⁰. Можно отметить, что в работах, изданных в центральных изданиях, у всех авторов преобладает в качестве основного наименования термин "кыргыз", в то время как в мелких популярных брошюрах, изданных в Абакане и рассчитанных на хакасского читателя, употребляется термин "хакас" ²¹. В этом нельзя усматривать какой-то особой "позиции", скорее лишь уступку местной специфике. Так же как, положим,

А.Н.Бернштам, работавший на Тянь-Шане, при обращении к южно-сибирской тематике везде пишет только "кыргыз" и "кыркыз" ²².

В начале 50-х годов с рядом соображений по поводу соотношения терминов "кыргыз" и "хакас", давно ставших привычным эквивалентом друг другу, выступили тюрколог С.Е.Малов и синолог Н.В.Кюнер.

По мнению С.Е.Малова, "киргизы были сильным енисейским государством, соперничавшим с уйгурами. Можно думать, что заодно с киргизами были тофалары (карагасы) и тувинцы (урянхайцы, сойоны)". Однако значение термина "хакас" для С.Е.Малова осталось неясно: "...является ли он китайской переделкой слова "киргиз" или же, что с моей стороны, скорее, — "карагас"? Ведь китайцы под хакасами-карагасами — могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами" ²³.

Н.В. Кюнер, основываясь на сообщении китайской летописи о заимствовании термина "хятас" китайцами из уйгурского языка, полагал, что имя "хятасы", обозначая тот же народ, или киргизов, не является только транскрипцией имени этого народа, но, будучи заимствованным из уйгурского языка, имеет особый смысл вроде клички.

Исходя из вышеприведенных соображений, пишущий эти строки считает правильным принимать как исторический факт тождественность наименований кыргыз (гянь-гунь и иные формы транскрипции) и хакас (хятасы) для обозначения одного и того же народа, оставляя пока открытым вопрос о действительном смысле и происхождении наименования хятас" ²⁴.

Как видно из вышеприведенных текстов, авторы не ставили под сомнение правомерность употребления этнонима "кыргыз" в отношении населения Среднего Енисея в эпоху Тан. С.Е.Малов считал, что термин "хакас" может восходить к названию какой-то части зависимых от кыргызов кыштымов, по его мнению "карагасов" (т.е. тофаларов. — Ю.Х.), солидаризируясь в этом плане с высказываниями Н.Н.Козьмина. Причем это было высказано С.Е.Маловым мимоходом, в порядке сомнения, а не развернутого положения, в предисловии к изданию текстов енисейской рунической письменности.

Н.В.Кюнер был склонен считать термин "хятас" эквивалентом этнонима "кыргыз", попавшим в китайский язык через посредство

уйгурского и игравшим роль клички — "желтокраснолице". Ни о каком самостоятельном значении термина "хакас" в качестве этнонима в его работе речи нет.

Позднее Н.В.Кюнер несколько изменил свою точку зрения в полемике с Г.Е.Грум-Гржимайло, беря упомянув, "что хакасы и кэргизы в монгольскую эпоху XIII в. могли означать различные группы (части) одного и того же народа" ²⁵.

Ряд соображений относительно термина "хакасы" принадлежит Л.П.Потапову. Отметив появление данного термина в качестве этнонима в начале XX в., он писал: "Этот общий процесс консолидации, протекавший, как было показано, под сильным влиянием качинцев, привел к сложению в конце XIX и начале XX в. на территории Минусинской котловины маленькой народности, которая получила у русских название минусинских, или абаканских, татар. Хакасами они стали именоваться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Название "хакасы" было предложено представителями местной интеллигенции при национальном определении "минусинских татар" в самом начале 20-х годов нашего столетия. Предлагавшие это название исходили из ошибочного представления, что минусинские, или абаканские, "татары" являются потомками древнего населения Саяно-Алтайского нагорья, зафиксированного в китайских летописях под наименованием "хягас". Несмотря на то что название "хакасы" не может считаться исторически оправданным и аргументированным, возражать против него нет оснований, так как оно постепенно вошло в быт населения и было им принято" ²⁶.

Позднее, под влиянием замечания Н.В.Кюнера, Л.П.Потапов стал склоняться к мысли, "что в настоящее время накапливается все больше и больше данных, свидетельствующих о невозможности отождествления "хагас" и "кыргыз", о сложных в этническом отношении конгломератах — "хагас" и "кыргыз", о большом участии в этническом конгломерате "хагас" самодийского элемента и т.п." ²⁷

Автор привлек для анализа данного вопроса сообщение Юань-Ши в переводе В.Н.Казина, в котором говорится о поселении "киргисов" в "земле хас-ха". Последняя является, по его мнению, местом расселения самодийцев-качинцев в районе современного Красноярска.

Колебания ряда исследователей относительно тождественности терминов "хятысь" и кыргызы" в 50-е годы обусловлены затруднениями в трактовке отдельных фрагментов китайских текстов раньской эпохи, в частности терминов "хэсыхэ" и "ханас", отождествление которых с современным словом "хакасы" внесло определенную путаницу в оценке событий XIII в., привело к неоправданным противопоставлениям терминов "хятысь" и "кыргызы". Вероятно, свою роль в этих решениях сыграли итоги изучения этногенеза современных киргизов, поставившие под сомнение тождество кыргызов Енисея и Тянь-Шаня²⁸, и настойчивые выступления с собственной точкой зрения по этим проблемам Л.Р.Кызласова. Впервые с изложением своей позиции Л.Р.Кызласов выступил в 1954 г. в рецензии на книгу Л.П.Потапова об истории алтайцев²⁹. Основу взглядов автора составляет положение, что термин "хакас" является общим самоназванием различного по этническому происхождению и составу населения Среднего Енисея в эпоху средневековья, а термин "кыргыз" соответствует названию правящего "аристократического династийного рода древних хакасов". К обоснованию своей точки зрения Л.Р.Кызласов не раз возвращался в работах 1959 и 1960 гг.³⁰ В наиболее полном и развернутом виде его концепция на соотношение терминов "кыргыз" и "хакас" представлена в статье, вышедшей в свет в 1968 г. и дважды переизданной в 1969 г.³¹ Основные положения данной концепции заключаются в следующем: средневековые китайские летописи содержат различные варианты написания термина "хакас", который является передачей местного самоназвания разноязычного разноэтнического населения Среднего Енисея; термин "кыргыз" встречается в тех же источниках параллельно и означает "аристократический династийный род древних хакасов"; термин "кыргыз" не мог быть самоназванием всего населения Енисея, поскольку в его состав входили различные по языку племена и роды (угорские, самодийские и тюркоязычные); "именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве, население которого составляли разноязычные родоплеменные группы, орхонские турки-туогу, уйгуры, а также западные источники (греческие и арабо-персидские. — Ю.Х.) ошибочно называли все эти племена кыргызами"; в пользу разноязычности свидетельствует состав слов, приписываемых населению Среднего Енисея в Синь-Таншу; средне-

вековой термин "хакас" является самодийским по происхождению, дожившим до современности в форме "хаас"; этот термин отражен в самоназваниях родоплеменных групп тофаларов (хааш), тувинцев и дархатов-монголов (хаасут); появление термина "хакас" в "качестве названия государства и народа" в VI – XII вв. свидетельствует, что в нем сложилось "новое тюркоязычное ядро местных племен (в него входили и кыргызы)"; это способствовало созданию сильного централизованного государства "с общей экономической базой и единым литературным языком – енисейской письменностью; аристократический род "кыргыз" у "древних хакасов" подобен правящим родам хуань у гуннов, ашина у тюрк, ятлакар у уйгуров, елюй у киданей; отсутствие термина "кыргыз" в рунических надписях на Енисее свидетельствует, что его заменял термин "эль", синоним слова "кыргыз"; термин "кыргыз" применялся лишь для надписей, ставившихся за пределами "древнехакасского государства". По мнению Кызласова, его взгляды в разных аспектах разделяли Ю.Клапрот, В.Шотт, Н.В.Кюнер, С.Е.Малов, С.В.Киселев, Н.Н.Козьмин и "многие ученые в XIX и XX вв." Вывод Л.Р.Кызласова категоричен: "Путать и отождествлять термины хакас и кыргыз между собой или подменять их друг другом – ненаучно. Неверно также называть государство именем династийного правящего рода, а не по самоназванию большинства составляющего его трудового населения, которое имеется в источниках.

Создали это государство и населяли его в VI – XII вв. древние хакасы, и потому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов" 32.

Позднее, когда изложенные здесь выводы Л.Р.Кызласова по данному вопросу встретили ряд резких возражений у специалистов – историков, лингвистов, востоковедов, автор в порядке оправдания писал, что цели его выступления были весьма скромны: "Установив в 1964 г., что вопрос о терминах "кыргыз" и "хакас" является еще недостаточно проясненным в советской исторической науке, и желая привлечь к нему внимание специалистов самого широкого профиля, но прежде всего исследователей по этнической истории, я написал специальную статью "Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI – XII вв.", но по ряду причин она вышла в свет только в 1968 г." 33

"Чтобы разобраться во взаимоотношениях этих терминов, следовало рассмотреть все известные данные и договориться о границах их применения. Это и пытался сделать автор в своих работах, обобщив, как и полагалось историку, все известные данные родственных наук" ³⁴.

"Естественно, что после этого следовало ожидать делового обсуждения и плодотворной научной дискуссии. Есть основания считать, что такая дискуссия еще развернется и здесь прежде всего необходимы исследования специалистов-синологов" ³⁵.

Вряд ли, однако, можно в данном случае верить автору, что его целью было только "привлечь внимание" и "вызвать дискуссию". Назидательный тон и безапелляционность выводов статьи "Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках ...", а также ее трехкратное переиздание после ряда выступлений аналогичного содержания в 50-х - начале 60-х годов, свидетельствует об ином. Автора к этому времени уже не удовлетворяло наличие "разночтений" по поводу данных терминов, оставляющих ему право на собственное мнение. Своим выступлением он стремился не "открыть дискуссию", а, наоборот, закрыть вопрос в пользу термина "хакас", дезавуировать термин "кыргыз" в качестве этнонима. Об этом свидетельствуют и правоучительные реплики в адрес "некоторых современных историков", именующих "государство древних хакасов" государством кыргызов, "упуская, к сожалению, из вида, что подавляющее большинство населения оставляли не кыргызы", и произвольный подбор "сторонников" своей гипотезы из числа наиболее авторитетных ученых прошлого - от Ю.Клапрота и В.Шотта до С.Е.Малова, Н.В.Кюнера, С.В.Киселёва и др. Об этом же - и выводы статьи: те исследователи, которые "путают и отождествляют" термины "хакас" и "кыргыз", поступают "ненаучно", а те, которые именуют государство - "государством кыргызов", делают "неверно" ³⁶. По мнению Кызласова, "некоторым ученым" нужно отбросить термин "кыргызы" и именовать население Енисея "древними хакасами".

Однако "плодотворная научная дискуссия" по поводу терминов, причем с участием "специалистов-синологов", все же развернулась, и ход обсуждения, и результаты оказались противоположными ожиданиям Л.Р.Кызласова. Одним из первых о критикой вы-

двинутых Л.Р.Кызласовым положений выступил востоковед, арабист О.Караев, справедливо упрекнувший инициатора дискуссии в систематическом искажении цитируемых им авторов, приписывании им несуществующих взглядов, в частности, приведении в тексты древних источников и цитаты современных ученых термина "хакас", там, где он отсутствует в оригинале ³⁷. Такие искажения отмечены в приводимых Л.Р.Кызласовым цитатах из работ Н.В.Кюнера, Б.Карлтрена, С.Е.Малова и др. О.Караев резонно замечает: "По мнению Л.Р.Кызласова, во всех средневековых памятниках разноязычные племена Минусинской котловины ошибочно называются кыргызами из-за главенствующей роли последних в государстве.

Нам представляется, что комплекс источников самого различного происхождения заслуживает в целом большого доверия. Некоторые из вышеперечисленных авторов сами были на территории енисейских кыргызов или получили достоверные сведения о кыргызах от побывавших в этом районе лиц. Если действительно в Минусинской котловине в VI – XII вв. обитали племена под названием хакас, а кыргызы лишь их малочисленный аристократический род, то, несомненно, хотя бы один средневековый источник упомянул бы об этом" ³⁸. О.Караев подверг критике мнение Л.Р.Кызласова о мнимой малочисленности кыргызов, отметил некорректность употребления терминов "колена", "поколения", "род" в сочетании с этнонимом кыргыз, противопоставления терминов "эль" и "кара-будун" и отождествления первого с этнонимом "кыргыз". Говоря о мнении Л.Р.Кызласова в отношении гипотезы Н.Н.Козьмина и С.Е.Малова о тождестве терминов "хакас" и "каракас", О.Караев отмечает непоследовательность Л.Р.Кызласова, согласного солидаризироваться с любой версией, которая так или иначе подвергла бы сомнению эквивалентность терминов "хакас" и "кыргыз" ³⁹.

С развернутым анализом содержания и реконструкции звучания китайских терминов, применявшихся для обозначения средневекового населения Енисея, выступил известный китаист, специалист в области исторической фонетики китайского языка, С.Е.Яхонтов ⁴⁰. Результаты тщательного специального изучения вопроса "специалистом-синологом" сняли все разночтения и недомолвки в отношении термина "хятясы". Автор заключил, что "исход-

ную форму китайской транскрипции "хятясы" иногда реконструируют как "хакас". Эта реконструкция не может быть принята, поскольку не соответствует нормам китайской исторической фонетики ⁴¹.

"Таким образом, форма хятясы есть китайская транскрипция слова кыргыз; другие формы, к которым она приравнивается в китайских историях – гяньгунь, гегу и др., отражают фонетические варианты того же этнонима (например, кыркур или, может быть, кыркун, кыркут, кыркуз). Форма хятясы не может передавать звуки хакас" ⁴².

Итак, вопрос был решен на самом авторитетном уровне, поставлены все "точки над и". Никаких "хакасов" в китайских средневековых источниках не оказалось. Звуки "хакас" – результат исторического недоразумения.

С.Е.Яхонтовым сделан еще один важный вывод: "По тем самым причинам не может быть сблизена с китайским и современная форма хаас". В отношении "хаас" он высказал перспективное предположение о его связи с терминами "ханас" и "лыжные тшэзэ" ⁴³, что вполне вероятно, так как и те и другие являлись кыштымами енисейских кыргызов.

Хотя вопрос о соотношении терминов "кыргыз" и "хакас" был фактически решен в работе С.Е.Яхонтова, дискуссия продолжалась, выйдя далеко за пределы сугубо терминологических разногласий. С обстоятельной статьей по ряду спорных вопросов в этнической истории Южной Сибири выступил специалист по современным национальным отношениям в Саяно-Алтае историк Н.А.Сердобов ⁴⁴. Автор справедливо указывал, что позиция того или иного исследователя по отношению к этнониму "кыргыз" применительно к средневековой истории юга Сибири имеет не отвлеченно академический интерес и не сводится к терминологическому разночтению, а имеет самое непосредственное отношение к современным национальным отношениям. Перенос современного этнонима недавнего происхождения "хакасы" на древнее и средневековое население региона ведет к неминуемым искажениям исторического процесса, неправильной оценке роли современных коренных народов. Неоправданное удревление и идеализация, приукрашивание истории современных хакасов неминуемо ведет к искажению и умалению роли других народов" ⁴⁵. "Определенная идеализация"

древнехакасского "государства", по мнению Н.А.Сердобова, сказывается в оценке Л.Р.Кызласовым политики этого "государства", приписывании ей оборонительных тенденций, в оценке уровня грамотности в "древнехакасском" обществе, в утверждениях о наличии там системы обучения, собственной и переводной литературы, о широком распространении "славы о древнехакасском государстве в эпоху его расцвета" ⁴⁶.

"Едва ли нужно доказывать, — справедливо замечает Н.А.Сердобов, — насколько далека от истины подобная характеристика "древнехакасского" государства кочевников" ⁴⁷. Автор, ссылаясь на мнение И.А.Батманова и других тюркологов, подверг критике стремление Л.Р.Кызласова приписать почти все рунические надписи в Туве "древним хакасам". Подвергнута критике несостоятельная "концепция" Л.Р.Кызласова противопоставления терминов "хакас" и "кыргыз" и отнесения последнего к "аристократическому династийному роду средневековых хакасов". Ссылаясь на С.Е.Яхонтова, Н.А.Сердобов присоединяется к общепринятому мнению о тождественности обоих терминов. Н.А.Сердобовым вскрыты и мотивы "пристрастной приверженности Л.Р.Кызласова к термину "хакас". Автор полагает, что "... здесь проявляется желание связать этот термин с современным наименованием хакасской народности ..." ⁴⁸.

Это стремление "... отвести ведущую роль в истории Южной Сибири и Центральной Азии "древним хакасам", обосновать "историческую и этногенетическую преемственность между ними и современными хакасами отчетливо выступает и в ряде других работ Л.Р.Кызласова" ⁴⁹. Несомненный вред от распространения подобных взглядов автор видит в том, что "ошибочные взгляды Л.Р.Кызласова нашли последователей" среди части ученых-хакасов, отмечая, в частности, проявление данной тенденции в работах К.Г.Копкоева ⁵⁰. Н.А.Сердобов отметил, что "енисейские киргизы вошли одним из этнических компонентов не только в состав современной хакасской народности", но и в состав "тувинцев, среднеазиатских киргизов, алтайцев" и других народов, поэтому недопустимо превращать их в "династийный" сеок-род или в "хакасов" ⁵¹.

Эта справедливая критика нашла отражение и в монографии Н.А.Сердобова об истории формирования тувинской нации ⁵².

Л.Р.Кызласов пытался возражать, ссылаясь на мнимую "непоследовательность" и "необъективность" Н.А.Сердобова, "тенденциозность" О.Караева⁵³. С.Е.Яхонтову он возражать не решился, противопоставив его доказательствам устную "консультацию Н.Ц.Мункуева", некорректно объединив ее с чтениями П.Н.Кафарова, Н.В.Кюнера, В.П.Васильева и "других"⁵⁴. Тот же прием применен Л.Р.Кызласовым для обоснования своей "стойкой приверженности к термину "хакас", которую он объяснил традицией западноевропейской синологии, "русской и советской науки", перечислив в качестве предшественников и сторонников своего мнения фамилии многих ученых ХУШ – ХХ вв.: Ю.Клапрота, К.Висделу, И.Абель-Ремюза, И.Дюгальда, Н.Я.Бичурина, К.Риттера, В.В.Григорьева, Н.А.Кострова, Е.К.Яковлева, В.В.Радлова, А.А.Спицына, Н.М.Ядринцева, В.И.Огородникова, Н.Н.Козьмина, Р.М.Кабо, С.В.Киселева, В.П.Левашовой, Л.А.Евтюховой, С.А.Токарева, Л.П.Потапова, В.Г.Карцова⁵⁵. О том, насколько некорректно включение в список сторонников термина "хакас" большинства перечисленных ученых, наглядно свидетельствует предложенная ниже история вопроса. На деле это не более чем попытка укрыться за авторитет известных имен, не имеющих никакого отношения к концепции "кыргыз" как династийный род средневекового народа "хакасы", выдвинутой Л.Р.Кызласовым. Л.Р.Кызласов отвел и некоторые другие доводы Н.А.Сердобова, в том числе об "идеализации древнехакасского государства", уверяя, что никаких "преувеличений" в его взглядах на этот счет нет. Приведены им и некоторые новые соображения в пользу термина "хакас". Соглашаясь с критиком: "Да, хакасами себя "абаканские татары" не называли, – он, однако, пишет, что "они называли себя хаасами (хаастар) и сагай-хаасами"⁵⁶. Именно это самоназвание, с точки зрения Л.Р.Кызласова, позволяет именовать их "хакасами". Тон возражений порою носит излишне драматический характер: "Категорически следует протестовать против приписываемого нам... приращения "роли и значения в историческом процессе народов, обитавших на территории современной Тувы и Горного Алтая", "искажения и умаления роли других народов"⁵⁷.

Позже с критикой данных "возражений" вновь выступил О.Караев, подчеркнув, что Л.Р.Кызласов не располагает аргументами, чтобы опровергнуть мнение С.Е.Яхонтова⁵⁸. Автор отметил дис-

куссионность чтения термина "хакас" в работах синологов, на что не обращает внимания Л.Р.Кызласов. О.Караев отверг возражения в необъективности со стороны Н.А.Сердобова, так как именно благодаря усилиям последнего, равно как и всей редколлегии, термин "древние хакасы" был в свое время убран из глав первого тома "Истории Тувы". О.Караев вновь возразил против приписывания исторических сведений о киргизах "хакасам", отметив, что многие из этих данных относятся к киргизам, обитавшим в Средней Азии, и ошибочно включены Л.Р.Кызласовым в круг сведений о "хакасах".

Подвергнута критике и точка зрения Л.Р.Кызласова о осуществлении так называемых "центрально-азиатских киргизов", основанная на ошибочном чтении слова "хэсхэ" как земли "хасха" (родовом подразделении качинцев). По мнению О.Караева, "название Хэсхэ (или Хасхэ) следует искать где-то в Маньчжурии, может быть поблизости или также в бывшем владении князя Наяна". О.Караев счел нужным уточнить, что "новая датировка" памятников рунической письменности не является заслугой Л.Р.Кызласова, а принадлежит фактически И.А.Батманову⁵⁹. Общий вывод О.Караева таков: "В совокупности вышеизложенное подтверждает высказывания Н.Сердобова об искусственном удревнении и приукрашивании истории современного хакасского народа Л.Р.Кызласовым за счет умаления роли и искажения данных восточных авторов об енисейских киргизах"⁶⁰.

Таковы, в общих чертах, основные события в ходе дискуссии о терминах "кыргыз" и "хакас". Ее итоги не оправдали надежды тех, кто стремился вычеркнуть этноним "кыргыз" из средневековой истории Северной и Центральной Азии. Наоборот, в ходе обсуждения была выяснена тождественность всех терминов, обозначающих население Енисея, этнониму "кыргыз". Важным итогом дискуссии можно считать установление факта, что в китайских источниках отсутствует термин "хакас" в какой-бы то ни было форме, что лишний раз подтверждает его позднее литературное происхождение. Научное сообщество, включая исследователей-сибиреведов, положительно расценило и восприняло итоги дискуссии, приняв для употребления в качестве наименования средневековых кочевников Енисея этноним "кыргыз". С её результатами не мог не считаться Л.Р.Кызласов. Если в свое время он настаивал на

своим безусловным приоритете в создании концепции "кыргызы - династийный род средневековых хакасов", высказанной впервые еще в 1954 г.⁶¹, то в ходе дискуссии стал утверждать, что его взгляды соответствуют "традициям русской и советской науки"⁶². В работе, посвященной роли археологических источников в истории народов Сибири, ранние кыргызы упомянуты автором без кавычек и наряду со средневековыми хакасами - как творцы архитектурных сооружений на Среднем Енисее, а "памятники самобытной тюркоязычной рунической письменности" отнесены к "местным племенам и народностям"⁶³, а не только к "древним хакасам".

Но, к сожалению, уже в работе 1975 г. Л.Р.Кызласов вернулся к прежним трактовкам⁶⁴. "Кыргызы" вновь заключены в кавычки, и выделить их памятники среди "древнехакасских" он считает невозможным. Кыргызы вновь стали "лишь родом средневековых хакасов"⁶⁵. Эта трактовка присутствует в работах автора, увидевших свет в последнее десятилетие. На страницы его статей и книг вернулись критиковавшиеся в свое время оценки уровня развития "древнехакасской цивилизации" и ее культуртрегерская роль в "завоеванных землях"⁶⁶. Более того, если ранее Л.Р.Кызласов ограничивал претензии на якобы главенствующее положение "хакасов" пределами Саяно-Алтая, то в работах последних лет территориальная экспансия "древнехакасской цивилизации" заметно расширилась, включив земли Забайкалья, Западной Сибири, степи Казахстана и Приуралья⁶⁷. Влияния "древнехакасского государства", судя по последним работам автора, простирались в IX - X вв. от Амура до Крыма и от Ангары до Восточного Туркестана⁶⁸. Вне пределов "древнехакасской" государственности на юге остался лишь Тянь-Шань, поскольку появление там "древних хакасов" позволит "некоторым ученым" "путать" кыргызов Енисея и Тянь-Шаня и предполагать общность их происхождения, чего концепция Л.Р.Кызласова категорически не предусматривает⁶⁹. Взгляды Л.Р.Кызласова поддержаны работами И.Л.Кызласова, в которых тенденция к "господству" "древних" или "средневековых хакасов" над другими народами в территориальном и культурном аспектах все более расширяется⁷⁰. Сладкие мечты о мнимом "господстве "хакасов"⁷¹ в обширных пространствах степной Евразии, о создании ими какой-то особой "древнехакасской цивилизации"

базируются все на той же поверхностной субъективной трактовке ограниченного круга источников, уже подвергшейся ранее развернутой критике.

Что же изменилось в состоянии изученности вопроса, что позволило авторам вновь вернуться к утверждениям, не выдержавшим испытания критикой? Очень немного. Китаист Н.Ц.Мункуев в комментариях к переводу на русский язык текста "Мэн да бэй-лу" в одном из подстрочных примечаний усомнился в реконструкции С.Е.Яхонтовым слова "хягясы" в форме "кыргыз" и предложил свою в форме "гакас" ⁷². И хотя это сомнение высказано мимоходом, без развернутой аргументации и никоим образом не свидетельствует в пользу правомерности употребления термина "хакас", именно оно послужило основанием Л.Р.Кызласову для реанимации своих старых, раскритикованных и отвергнутых наукой взглядов. Вновь вернувшись к обсуждению данного вопроса, Л.Р.Кызласов утверждает: "В статье С.Е.Яхонтова не признается чтение хакас в качестве реконструкции хягясы (сяцзясы) и утверждается, что хягясы – это одна из транскрипций термина кыргыз. Однако истолкование С.Е.Яхонтова было отвергнуто Н.Ц.Мункуевым, указавшим, что допущения С.Е.Яхонтова и его реконструкция кыргыз "недостаточно обоснованы. По-видимому, для сяцзясы надо предположить исходное гакас (с учетом ассимиляции)", и далее Н.Ц.Мункуев отсылает читателей к нашей статье о терминах хакас и кыргыз.

Таким образом, нет оснований соглашаться с разъяснением С.Е.Яхонтова" ⁷³. Получается, что Яхонтову нельзя верить потому, что с ним не согласен Мункуев, а не согласен потому, что верит Кызласову, доводы которого опровергнуты Яхонтовым. Круг замкнулся, исходное "гакас" непостижимым образом стало аргументом в пользу произношения "хакас" в противовес "кыргыз". Казалось бы, если прав Н.Ц.Мункуев, нужно употреблять термин "гакас", "гакасы", "гакаское государство", "гакасская цивилизация" и т.п., а не "хакас", однако этого почему-то не произошло. Л.Р.Кызласов воспользовался данным эпизодом комментирования "Мэн да бэй-лу" для оправдания прежней концепции, которую он отстаивает и по сей день. В ходе полемики и позднее им был высказан ряд соображений по данному вопросу, не нашедших отражения в дискуссии. Все это дает основание вновь

вернуться к рассмотрению аргументации Л.Р.Кызласова в полном объеме, не повторяя тех моментов, которые можно считать решенными.

Первый тезис Л.Р.Кызласова, на который опираются все его дальнейшие построения, — различие в китайских источниках эпохи Тан терминов "цзянгунь" и "сяцзясы". "Термин "кыргыз" (цзянгунь) китайские историографы употребляли в танскую эпоху с термином "хакас" в одних и тех же источниках" ⁷⁴. Отметим, что в перечне вариантов термина "сяцзясы" у Л.Р.Кызласова отсутствуют некоторые формы, которые он тем не менее считает воспроизведением слова "хакас" ⁷⁵.

О том, что представляет собой данное "различие" в историко-фонетическом аспекте, достаточно ясно показал в свое время С.Е.Яхонтов: его просто нет. Л.Р.Кызласов ссылается также на прямые указания летописи "Синь Тан Шу": "Хягас есть древнее государство гяньгунь...", после того как гяньгуньское "племя смешалось с динлинами", как на доказательство различия данных терминов ⁷⁶. На самом деле, если считать перевод адекватным, выражение "хягас есть ... гяньгунь" означает тождество, а не различие субъекта и предиката данного суждения. "Хягас = гяньгунь", но не наоборот. Если бы дело обстояло иначе, как пытаются утверждать Л.Р.Кызласов, в тексте должно было бы стоять "хягас не есть гяньгунь". Таким образом, текст источника отождествляет оба термина, вопреки попыткам Л.Р.Кызласова трактовать его прямо в противоположном смысле.

Далее Л.Р.Кызласов ссылается на то, что "впоследствии северные варвары в своем языке ошибочно сделали хягас, ибо уйгуры, говоря о них, как бы называли "желтоокраснолицые" ⁷⁷. Эта фраза в свое время послужила основанием считать слово хягасы "ключкой" кыргызов, попавшей в китайский язык через уйгуров. Отметим, что источник не противопоставляет более позднее написание раннему, а лишь пытается объяснить его значение и происхождение. Здесь уместно вспомнить предложенное в свое время К.И.Петровым отождествление "хягас" и "кыргыз" через "хя (р) кяс" ⁷⁸. Последняя реконструкция очень напоминает современное монгольское название кыргызов — "хяргяс". Примеры: озеро Хяргяс-нур, поселок Хяргяс. Таким образом, "поздняя ошибка" совершенно не противоречит исходному этнониму "кыргыз".

Мнимое различие терминов "хягасы" и "цзяньгунь" само по себе не дает никаких оснований предполагать, как это делает Л.Р.Кызласов, что "термин хакас в китайских источниках по значению гораздо шире, чем кыргызы, и точнее, ибо это имя действительно охватывало все разноязычные племена (в том числе и кыргызов), входившие в древнехакасское государство" ⁷⁹.

Некорректно утверждение Л.Р.Кызласова, что термин "кыргызы" не мог быть "самоназванием" всех, различных по языку племен кыргызского государства ⁸⁰. Да, действительно, таким самоназванием не мог быть не только термин "кыргызы", но и "хакасы" и любой другой термин, поскольку это разные, к тому же разноязычные племена, у которых не может быть общего "самоназвания". Другое дело, что такое самоназвание было у ведущей в этом государстве этнической группы — "кыргызы", по которой его и называли "кыргызским каганатом" и никак иначе. Для всех остальных подчиненных кыргызам племен также существовало общее название — "кыштымы" (рабы-иноплеменники), и только так их и следует именовать.

Поэтому попытки выводить название государства из численности покоренных племен бессмысленно, господствующий этнос в кочевом государстве всегда составляет меньшинство, однако историки именуют эти государства по имени господствующего этноса: Тюркское, Уйгурское, Кыргызское, Монгольское и т.д.

Исследователи уже отмечали абсурдность утверждений о том, что "кыргызы" на Енисее составляли лишь "немногочисленный аристократический династический род" ⁸¹ в среде "средневековых хакасов". Эта конструкция построена на некорректной трактовке выражений "колено", "поколение", "род кыргызы", поскольку они широко применялись по отношению к племенам и народам, в том числе в сочетании с термином "хягасы". Например, "дом хягасы", "хягасы есть небольшой род" и т.д. Конструкция "кыргызы — династический род" носит сугубо негативный характер, имеющий целью отрицать этническое содержание данного термина без учета реального значения термина "род". Это принятие повлекло бы за собой ряд трудноустраняемых противоречий. Если гяньгуни только род, то как они могли покорить и ассимилировать многочисленный народ динлинов, вместе с которым упоминаются в источниках. Если в тот период они еще не были родом, то как они могли

трансформироваться в род из этноса? Почему и позднее "сеок — род кыргыз" входит в состав разных племен, в то время как династийные роды относятся к одному племени: ашина — род племени тюрк, ятлакар — род племени уйгур и т.д. Да и среди самих кыргызов имелось "родовое имя тех, из этой области, которые пользуются уважением и известностью, — йди..."

"Именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве" современники "ошибочно", по мнению Л.Р.Кызласова, называли это государство кыргызским⁸². Но только так его и следует называть, раз его так называли сами кыргызы и их ближайшие и отдаленные соседи. Этому нисколько не противоречат "языковые данные". Наличие в языке кыргызов нескольких "самодийских" слов не меняет его принадлежности к тюркской языковой семье и не опровергает о самодийской принадлежности населения Енисея, против этого говорит хотя бы "самобытная енисейская руническая письменность", служившая, по мнению самого же Л.Кызласова, "литературным языком" в кыргызском государстве⁸³.

Не способствует упрочению его точки зрения и сближение Л.Р.Кызласовым слова хакас с этнонимами хаас (качинцы), хааш (тофалары), хаасут (дархаты — монголы и тувинцы)⁸⁴. Вполне возможно, что перечисленные этнические группы восходят к общей этнической основе. К ним следует добавить подразделение "хаасут" в составе окинских сойотов.

Как известно, в свое время "в окрестностях оз.Хубсугул существовал хаасутский хошун... Это был девятый урянхайский хошун, в административном отношении стоявший особняком"⁸⁵.

Очевидно, что хаасуты и близкие к ним этнические группы, возможно, включая хаасов-качинцев, являются частью урянхайцев, потомков "лесных урянкотов", известных в эпоху Тан и Юань под именем ханас, хабханас, ханьхэна, лыжные тшэюэ и др. Совершено прав был С.Е.Яхонтов, указывая на возможность их отождествления с хаасами-качинцами⁸⁶. Все эти группы поставляли кыштымов в кыргызское государство в период его великодержавия, а позднее часть из них под именем хаас сохранилась в качестве одного из подразделений кыштымов в кыргызских землях вплоть до прихода русских и ныне составляет часть современных хакасов. Нет никакой необходимости путать этих хаасов (ханасов, хабха-

насов) с харгысами (кыргызами), как это сделал Л.Р.Кызласов, от которых они находились в вассальной зависимости.

Не убеждает в пользу гипотезы Л.Р.Кызласова то обстоятельство, что в рунических надписях, "обнаруженных в бассейне верхнего и среднего течения р. Енисея, не упоминается имени кыргызов", вместо которого присутствует его "синоним" – эль⁸⁷. Аутентичность этнонима "кыргыз" доказывается его наличием в разноязычных источниках с III в. до н.э. по XIII в. н.э. Весьма важно, что этноним "кыргыз" присутствует в текстах тюрков, уйгуров и самих кыргызов. В этом отношении "сомнения-разночтения" вокруг формы "хягасы" в танских источниках не идут ни в какое сравнение с данными о кыргызах. Термин "эль" известен не только в кыргызских рунических надписях. Если он "синоним" термина "кыргыз", то чем он служит в тюркских и уйгурских надписях? "Синонимизация" слов "эль" и "кыргыз" никак не может быть принята.

Позднее Л.Р.Кызласов добавил к своим рассуждениям еще один аргумент. "Хакасами" необходимо именовать древних насельников Енисея потому, что среди современных хакасов есть этнические группы, которые "называли себя хаасами (хаастар) и сагай-хаасами"⁸⁸. О хаасах (качинцах) уже говорилось выше. "Сагай-хаас" – литературный псевдоним Романа Афанасьевича Кызласова, отца Л.Р.Кызласова, так "иногда называли себя" жители улуса Бейка⁸⁹. И этот литературный псевдоним предлагается в качестве "самоназвания" для средневекового населения Енисея?!

Если уж "историческая справедливость" не позволила Л.Р.Кызласову именовать население Енисея в эпоху средневековья кыргызами ввиду того, что они не составляли большинства, хотя и занимали главенствующее положение, то почему она "позволяет" именовать его по названию аналогичного меньшинства, но никогда не занимавшего главенствующее, а, наоборот, подчиненное положение. Ведь хакасы-качинцы, и тем более жители улуса Бейка, не могут составлять "большинства трудового населения", это лишь одно из племен кыштымов. ●

"Абаканские татары", о которых пишет Л.Р.Кызласов, действительно имели собственное название, вне зависимости от племенной принадлежности, и называли себя не "хакасами" или сагай-хаасами", а "тадырлар", т.е. "татары". Это самоназвание

до сих пор бытует в разговорном языке коренного населения Хакасии, и его не вытеснило официальное наименование "хакасы" ⁹⁰.

Разве не показателен тот факт, что топонимика и фольклор хакасов, в которых в изобилии представлены многочисленные названия средневековых и современных племен и народов, таких, например, как кыргыс, уйгур, тиргеш, тилек, моол, ойрат, торбет, хитат, соян, сарт и др., не знают своего мнимого самоназвания "хакас". Более того, наряду с "тадыр" в хакасском фольклоре имеется предшествующее ему общее название для коренного населения Енисея — "хоорай" ⁹¹. Разве это не свидетельствует в пользу того, что "большинство трудового населения" никогда в прошлом не знало искусственного книжного слова "хакас", а именovalo себя иначе — "хоорай" и "тадыр".

Историческая справедливость обязывает учитывать все эти факты, а они свидетельствуют об одном: на Енисее никогда в прошлом не существовало народа, который называл бы себя или был называем другими термином "хакасы". Это слово вошло в таком значении в обиход только в 20-е годы XX в., и только с этого времени коренное население региона следует именовать "хакасами", не удревяя искусственно данный термин.

Попытки искусственного переноса данного термина на средневековое население Енисея является ничем иным, как искажением истории.

Как справедливо отмечали критики Л.Р.Кызласова, суть его концепции не ограничивается подменой терминов ⁹². Заменяя исторически обоснованные разграничения "кыргызы" и "кыштым" искусственным "хакасы", Л.Р.Кызласов пытается завуалировать общеизвестный факт, что современные хакасы являются, в своей основе, потомками кыргызских кыштымов, в то время как средневековые кыргызы вошли в состав не только современных хакасов, но и тувинцев, киргизов и других тюркоязычных народов. В нашем рабоче-крестьянском государстве совсем необязательно выводить родословную своего народа от "династийного аристократического рода", и происхождение от "большинства трудового населения" — кыштымов — ничуть не зазорно. Поэтому нельзя согласиться со стремлением Л.Р.Кызласова приукрасить прошлое мифическим происхождением от славного некогда "народа Хирхиз",

известность о котором обошла всю Азию. Если каждый начнет выбирать своему народу предков по степени знатности, то что станет с историей?

Подводя итог сказанному, необходимо заключить, что по всем известным данным в средние века на юге Сибири проживало тюркоязычное население, именовавшее себя "кыргызы" и известное другим народам под этим же названием. Кыргызы являлись господствующим этносом в своем государстве, подчиняя многочисленные по языку и этнической принадлежности племена, известные под общим названием "кыштым". Поэтому при описании и анализе средневековых материалов следует разграничивать данные, относящиеся к самим кыргызам, кыргызской культуре, кыргызскому государству – кыргызскому каганату, – и данные, относящиеся к кыштымам.

Библиографические ссылки к главе "ОБ ЭТНОНИМЕ "КЫРГЫЗ"

1. История Тувы. – М., 1964. – Т. I. – С. 138; Вайнштейн С. И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири // УЗТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1957. – Вып. 5. – С. 215; Грач А. Д., Нечаева Л. Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // УЗТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1960. – Вып. 8. – С. 189; Савинов Д. Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // ТС 1972. – М., 1973. – С. 339; Длужневская Г. В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 123; Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // ТС 1974. – М., 1978. – С. 253; Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск, 1978. – С. 206.

2. Кызласов Л. Р. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI–XII веков // УЗХНИИЯЛИ. – Абакан, 1969. – Вып. 13. – С. 14; Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII – XIV вв. // СА. – 1978. – № I. – С. 122; Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1979. – С. 81.

3. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА.- М.; Л., 1949.- № 9.- С. 314; Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).- Абакан, 1948.- С.3; Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА.- М., 1952.- № 24.- С.121.

4. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков.- М.;Л., 1952.- С.45, 85; Он же. Памятники древнетюркской письменности.- М.; Л., 1951.- С.38-39, 67; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии.- М.;Л., 1959.- С.20, 41.

5. Материалы по истории кыргызов и Киргизии.- М., 1973.- Вып. I.- С.16, 17, 25, 26, 41, 42, 48, 49.

6. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия "киргиз" // СЭ.- 1970.- № 2.- С.110.

7. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...- С.20.

8. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.- Абакан, 1957.- С.26-27.

9. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...- С.6.

10. Klaproth J. Sur quelques Antiquités trouvées en Sibirie // ТА.- Paris, 1823.- Т. 2.- P. 9; Schott W. Über die ächten Kirgisen. - Berlin, 1865. - S. 432;

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.- М.;Л., 1950.- Ч. I.- С. 351; Радлов В.В. Сибирские древности...- СПб., 1896.- С.58.

11. Клеменц Д. Древности минусинского музея.- Томск, 1886.- С.73; Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. - Томск, 1889.- С. 33.

12. Козьмин Н.Н. Хакасы.- Иркутск, 1925.- С. IX.

13. Рамстедт Г. Переводы надписи "Селенгинского камня" // Тр. ТКОПОИРГО.- СПб., 1914.- Т. 15.- Вып. I.- С.43.

14. Козьмин Н.Н. Хакасы...- С. УШ.

15. Там же.- С. УП.

16. Там же.- С. II.

17. Бартольд В.В. Киргизы.- Фрунзе, 1927.

18. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ.-Л., 1929.- Т.4.- Вып. 2.- С. 54.

19. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены // Тр. ИИМ.- М., 1940.- Вып. II.- С.24.

20. Левашова В.П. Два могильника **кыргыз-хакасов**...- С.121.
21. Киселев С.В. Древняя история...- С. 314; Он же. Древнехакасский Эль // УЗХНИИЯЛИ.- Абакан, 1948.- Вып. I.- С.33.
22. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхонсено-сейских тюрок.- М.;Л., 1946.- С. 165.
23. Малов С.Е. Енисейская письменность...- С.7.
24. Кюнер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах // УЗХНИИЯЛИ.- Абакан, 1954.- Вып. 2.- С.121.
25. Кюнер Н.В. Восточные урянхайцы по китайским источникам // УЗХНИИЯЛИ.- Кызыл, 1958.- Вып. 6.- С.203.
26. Потапов Л.П. Происхождение и формирование...- С. 278.
27. Потапов Л.П. О статье Н.В.Кюнера "Восточные урянхайцы по китайским источникам" // УЗХНИИЯЛИ.- Кызыл, 1958.- Вып. 6.- С. 199-200.
28. Кызласов Л.Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня // Тр.КАЭЭ.- Фрунзе, 1959.-Т.9.- С.III.
29. Кызласов Л.Р. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев // ВМ.- 1954.- № 7.- С. 151.
30. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗХНИИЯЛИ. - Абакан, 1959. - Вып. 7.- С. 79-81; Он же. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины.- М.,1960.- С. 189-190.
31. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI - XII веков // НАА.- 1968.-№ 4.- С. 88-97; Он же. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI - XII веков // УЗХНИИЯЛИ.- Абакан, 1969.- Вып. 13.- С. 5-20; Он же. История Тувы в средние века.- М., 1969.- С. 88-93.
32. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...- С. 20.
33. Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз" // СЭ.- 1971.- № 4.- С. 60.
34. Там же.- С. 62.
35. Там же.- С. 60.
36. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...- С. 20.
37. Караев О. К вопросу о терминах кыргыз и хакас // НАА.- 1970.- № 4.- С. 225.
38. Там же. - С. 256-257.
39. Там же.- С. 257-259.

40. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия "киргиз"
... - С. 100-120.
41. Там же.- С. 117.
42. Там же.- С. 118.
43. Там же.- С. 118, примеч. 34.
44. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории
народов Южной Сибири // СЭ.- 1971.- № 4.- С. 53-58.
45. Там же.-С. 58.
46. Там же.-С. 54.
47. Там же.
48. Там же.-С. 56.
49. Там же.
50. Там же.- С.56-58.
51. Там же.- С. 58.
52. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. -
Кызыл, 1971.
53. Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз"...-
С. 59-60, примеч. 7.
54. Там же.- С. 60-63.
55. Там же.- С. 61.
56. Там же.- С. 65.
57. Там же.- С. 66-67.
58. Караев О. Еще раз о терминах "кыргыз" и "хакас" // Кыр-
гыз терминология сны маслери.- Фрунзе, 1972.- С.122-123.
59. Там же.- С. 126-135.
60. Там же.- С. 136.
61. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...- С.8, примеч.
20.
62. Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз"...
- С. 61, 67.
63. Кызласов Л.Р. Роль археологических источников для изу-
чения истории малых народов Сибири // Проблемы этногенеза на-
родов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.- С.13-14.
64. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Перво-
бытная археология Сибири.- Л., 1975.- С.206.
65. Там же.
66. Кызласов Л.Р. Тохтятская культура древних хакасов (IX -
X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья.- М., 1981.-
С. 58; Он же. Средневековые памятники Западного Забайкалья
(IX - X вв.) // Там же.- С. 60-61.

67. Кызласов Л.Р. Торговые связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху средневековья.- Томск, 1984.- С. 112-118.

68. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века.- М. 1984.- С. 117-123.

69. Там же.- С. 118.

70. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов.- С. 140; Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА.- 1980.- № 2.- С. 80-86; Он же. Аскизская культура Южной Сибири X - XIV вв.- М., 1983.- С. 67-68.

71. Кызласов И.Л. Происхождение аскизской культуры Южной Сибири // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий.- Омск, 1979.- С. 52.

72. Мэн-да бэй-лу.- М., 1975.- С.128, примеч. 128.

73. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...- С. 54.

74. Там же.- С. 53.

75. Кызласов Л.Р. История Тувы...- С. 168.

76. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...- С. 53.

77. Там же.- С. 55.

78. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа.- Фрунзе, 1963.- С. 37.

79. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...- С.8.

80. Там же.

81. Там же.- С.14.

82. Там же.- С.9

83. Там же.- С.10.

84. Там же.- С. 14.

85. Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов.- Улан-Удэ, 1983.- С.38.

86. Нихонтов С.Б. Древнейшие упоминания названия "киргиз"... - С. 112.

87. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...- С.18,19.

88. Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз"...- С. 65.

89. Бортояков М.И. Об одной рукописи по хакасским глаголам // УЗНИИЛИ.- Абакан, 1970.- Вып. 14.- С. 185, примеч. 8.

90. Бутонаев В.Я. Происхождение хакасов по данным этнонимии // Историческая этнография. Традиции и современность. - Л., 1983. - С. 62.

91. Там же. - С. 69.

92. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах... - С. 53-58.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Впервые вопрос о происхождении кыргызской культуры был рассмотрен С.А.Теплоуховым при классифицировании минусинских древностей. Выделив в особую, VI, группу памятников "могильники", известные под названием "чаа-тас", он отметил, что последние "тесно примыкают" к "своеобразным могилам с бюстовыми масками", отнесенным к III - IV вв. н.э. ^I

По современной терминологии, сказанное выше означает, что автор усматривал хронологическую и генетическую преемственность между памятниками тепсейского этапа таштыкской культуры III - IV вв. н.э. и объектами кыргызской культуры эпохи чаа-тас VI - VIII вв. н.э. С.А.Теплоухов отметил сходство между каменными стелами чаа-тасов и столбовыми плитами тагарских курганов, аналогии между таштыкской и кыргызской керамикой, наличие одинаковых бронзовых двухголовых пластинок-амулетов в погребениях обеих культур.

В дальнейшем эта проблема специально изучалась С.В.Киселевым ³. Автор, вслед за С.А.Теплоуховым, отмечает "сильнейшую связь" кыргызской культуры "с древней местной культурой", в частности, сходство конструкций тагарских курганов и чаа-тасов, наличие "входа" у оград тагарских, таштыкских и кыргызских памятников. С точки зрения С.В.Киселева, "поразительные совпадения" наблюдаются во внутреннем устройстве таштыкских склепов и чаа-тасов, в частности наличие вертикального частокола из бревен и жердей по периметру могильной ямы, подпорного столба в центре могилы. Особенно близки чаа-тасам, по С.В.Киселеву, "позднейшие таштыкские погребения", под квадратными каменными выкладками, с квадратной ямой и срубом, содержащие по I-2 сожжения, сосуды и кости овец или коров. Сре-

ди предметов сопроводительного инвентаря обеих культур отмечены аналогии парным головкам животных, обычно лошадей, фигуркам баранов, обложенных золотом, керамики. По мнению автора, керамика кыргызского поселения у с.Малые Копены и погребений у с.Тесь "целиком совпадает" с позднетатарской и таштыкской, хотя и отлична от "погребальной посуды" в чаа-тасах. Орнамент ювелирных изделий из Копенского чаа-таса, согласно С.В.Киселеву, находится "в близком родстве с татаро-таштыкским искусством"⁴. Тесную "генетическую связь" между таштыкской и кыргызской культурами подтверждают, по данным автора, "наблюдения над таштыкскими портретными масками, которые фиксируют сложение нового физиономического типа населения", характерного для кыргызов⁵. Переход от позднеташтыкских погребений к чаа-тасам, по С.В.Киселеву, совершился в "докудыргинское время" (до V в. н.э.)⁶.

Соображения С.В.Киселева были поддержаны Л.А.Евтиховой, которая усмотрела "глубокие корни" погребального обряда енисейских кыргызов в таштыкских могилах и склепах⁷. Наибольшую близость кыргызским демонстрируют погребения "переходной стадии" между таштыкской и кыргызской эпохами. Сходство наблюдается в обычае "сжигания покойников", внутримогильной конструкции, "большом количестве мяса животных", устройстве наката из березовой коры и насыпей из скальных обломков, привесках "с вырезанными головками животных", фигур баранов, обернутых золотой фольгой⁸.

Выводы С.В.Киселева повторил в некоторых своих работах Л.Р.Кызласов. Находки бронзовых пластинок-амулетов и конструкции курганов Сырского чаа-таса доказывают, по его мнению, "несомненную генетическую связь древнехакасской культуры с таштыкской"⁹. Отмечены автором единные для обеих культур формы сосудов¹⁰. Позднее Л.Р.Кызласовым был выделен "камышковский переходный этап" таштыкской эпохи, отнесенный к IV - V вв. н.э. : перестали сооружать склепы, исчезли обычаи сожжения погребальных камер, изготовления погребальных масок и ритуальных миниатюр¹¹. Согласно мнению автора, "несомненное генетическое происхождение культуры IV - V вв. от таштыкской доказано С.В.Киселевым весьма убедительно и никем не оспаривалось. Лучшим свидетельством этого служат памятники камышковского

этапа IV – V вв., рассмотренные выше. Решается и мнимое противоречие, заключающееся во внешнем различии керамики, встречаемой в позднеташтыкских и древнехакасских погребениях. Во-первых, нами уже указаны формы сосудов VI – VIII вв., явно связанных с таштыкскими в своем происхождении (кубки, банки, круглодонные чашечки, банки с налечами по венчику и т.д.); во-вторых, применение гончарного круга с VI в. естественно прервало эволюционное развитие позднеташтыкской керамики; в-третьих, раскопки поселения VI – X вв. у с. Малые Копены доказали, что в быту древние хакасы употребляли лепные сосуды не только таштыкских, но еще и тагарских форм¹². Из приведенного текста видно, что к 60-м годам мнение о преемственности между таштыкской и кыргызской культурами прочно вошло в традицию. Много позже Л.Р. Кызласов вывел формулу: "Нет чаа-таса без таштыкского склепа"¹³, не совсем согласующуюся с его предшествующими высказываниями, согласно которым чаа-тасы появляются путем трансформации "погребений под каменными выкладками", а не склепов. Пересмотр периодизации таштыкской культуры М.П. Грязновым снял данное противоречие¹⁴.

Раскопки чаа-таса Тепсей XI позволили отметить планиграфическую последовательность сооружения таштыкских склепов и кыргызских курганов чаа-тас¹⁵. В Михайловском могильнике в лесостепной Ача-Мариинской котловине были обнаружены склепы таштыкской культуры, в составе инвентаря которых были "кыргызские вазы", накладки луков, наконечники стрел, накладки колчанов, характерные для периода раннего средневековья¹⁶. Значительно обогатились представления о погребальной и поминальной обрядности таштыкской культуры в результате работ Э.Б. Вадецкой¹⁷. Находки тепсейских миниатюр позволили выделить петроглифы таштыкского времени. Открытие "манекенов" в Оглахтинском могильнике разрешило вопрос о назначении погребальных масок и "кукол"¹⁸. Значительно расширились за последние годы представления о погребальной обрядности населения Енисея в эпоху чаа-тас¹⁹.

В отдельных работах предлагалось объединить тесинский этап с таштыкской культурой, объединить поминальники со склепами в одну группу таштыкских памятников, изменить хронологию таштыкской культуры в сторону омоложения вплоть до VI и даже VII вв.

н.э., считать "камешковские каменные выкладки" поминальными объектами, разделить эпоху чаа-тас на два этапа и омолодить ее верхнюю хронологическую границу вплоть до X в. н.э.²⁰ Очевидно, что решение вопроса о преемственности таштыкской и кыргызской культур во многом зависит от решения вопросов хронологии обоих культурных комплексов и их интерпретации.

Кыргызская культура в эпоху чаа-тас хронологически непосредственно следует за таштыкской, сохраняя в основном ту же территорию, за исключением Ача-Мариинской котловины и Саянского каньона Енисея, где обнаружены таштыкские, но нет кыргызских памятников VI – VIII вв. н.э. Сравнимые комплексы представлены преимущественно погребальными памятниками.

На тепсейском этапе таштыкской культуры, в III – IV вв., они достаточно разнообразны. Среди них большие склепы, курганы с квадратным или прямоугольным котлованом, срубом, состоящим из стен, пола, потолка, нередко входа, ограды в виде квадратной или прямоугольной стены из горизонтально уложенных плит; иногда по периметру сруба ставились и вертикальные плиты. Перекрытие склепа состояло из нескольких накатов бревен, каменных плит и земли. Склепы были коллективными усыпальницами, в которых хоронили длительное время. Погребались преимущественно кремированные останки умерших, зашитые внутрь кожаных манекенов с погребальными масками. Инвентарь представлен разнообразными лепными сосудами с тычковым, штампованным орнаментом, налепными валиками и миниатюрными предметами: пряжками различных форм, амулетами в виде парных голов лошадей, звеньями цепочек, колчанными крючками, костяными наконечниками стрел, деревянными поделками, астрагалами овцы и коровы. Малые склепы имеют более простую конструкцию сруба без пола и входа, ограду из вертикально установленных плит. В них погребены наряду с сожжениями в манекенах трупы людей и собранные кости скелетов. Инвентарь представлен керамическими сосудами, пряжками, амулетами. Склепы и малые склепы после заполнения, как правило, поджигались²¹. Грунтовые могилы имеют прямоугольную, реже квадратную, яму со срубом и перекрытием, внутри которого захоронены сожжения, скопления костей и трупы. Инвентарь представлен керамическими сосудами, украшениями, принадлежностями туалета, лопатками овец и др. Малые склепы и грунтовые

могилы в отличие от больших склепов заполнялись одновременно. Обнаружены грунтовые одиночные и парные детские захоронения в каменных ящиках, ямах с перекрытием из бревен и без них ²².

Погребальный ритуал, характерный для таштыкской культуры, был связан с фиксированным сроком захоронения умерших, что определило сложность сохранения трупа, его мумификацию, бальзамирование, сохранение костей скелета, кремацию с воссозданием облика покойного в виде манекена с лицевой маской. Важной особенностью обрядности была votивность сопроводительного инвентаря, отсутствие мясной заупокойной пищи, обильная погребальная тризна.

Менее вариативным был поминальный обряд. Поминальные ямки с сосудами, мясом овцы и быка и стелы из камня расположены рядами, в каждом из которых имелась яма для остатков тризны участвующих в поминках. Такие ряды присутствуют как рядом со склепами, так и грунтовыми могильниками, а иногда вне территориальной связи с кладбищами. В поминальных памятниках иногда фиксируются погребения взрослых по обряду трупоположения и трупосожжения, захоронения в сосудах-урнах, могилы детей. Некоторые из них предположительно считаются жертвенными ²³. К числу таких погребально-поминальных объектов надо относить так называемые захоронения под каменными выкладками.

Погребальные памятники кыргызской культуры в эпоху чаа-тас, в VI – VIII вв., также разнообразны. Наиболее известны среди них каменные курганы – чаа-тасы, с округлой, подквадратной или прямоугольной ямой, обставленной по периметру стен и перекрытой жердями, стеной ограды из горизонтально уложенных плит, квадратной, округлой, прямоугольной формы, иногда с входом ²⁴. Ограды курганов обставлены по периметру стелами. Конструкцию чаа-тасов в известной мере можно считать упрощением архитектуры склепов, но с учетом появления новых необычайных деталей – стел. Чаа-тасы содержат в основных могилах по 1–3 скопления кремированных костей погребенных, обилие мяса овец, сосуды, включая гончарные "кыргызские вазы" и деревянные горшки и банки, в тайниках – сопроводительный инвентарь, состоящий из железного оружия, деталей сбруи, разнообразных украшений. Эти памятники сооружались и заполнялись одновременно. Можно пола-

гать, что в их конструкции отразилось совмещение погребального и поминального ритуала, существовавших порознь в таштыкское время.

Вокруг курганов чаа-тас довольно обычны рядовые захоронения сожжений в керамических урнах, деревянных ящиках, берестяных туесах, каменных ящиках, ямках, погребения детей и подростков в ямах с сосудами и мясом овец ²⁵. Такое социальное и возрастное разграничение обрядности также имеет свои аналогии в памятниках тепсейского этапа таштыкской культуры.

Нередко на кыргызских кладбищах — чаа-тасах — захоранивались взрослые люди по обряду трупоположения без инвентаря или с минимумом вещей ²⁶. Часто это сопроводительные захоронения в курганах чаа-тас. Такие памятники, относимые к социально зависимому слою кыргызского общества — кыштымам, в таштыкское время не зафиксированы, что объясняется иным уровнем социальных отношений.

Инвентарные комплексы таштыкской и кыргызской культур существенно различны. Это объясняется стадийностью каждого из них и мотивным характером таштыкского погребального инвентаря. Вопреки расхожему мнению, кыргызская лепная керамическая посуда, представленная в основном горшками и копиями гончарных "кыргызских ваз", в очень малой степени соответствует тепсейской баночной и котловидной посуде ²⁷. Вероятно, правы исследователи, отмечавшие сильное воздействие на кыргызский керамический комплекс гончарной керамики центрально-азиатского происхождения, однако вряд ли специфика кыргызской керамики в сравнении с таштыкской объясняется только появлением пришлых форм ²⁸. По-видимому, в кыргызское время керамика потеряла свое значение основного исходного материала для изготовления посуды аналогично деградации керамики в других кочевых культурах раннего средневековья. Существенно отличен от таштыкского набор предметов вооружения, сбруи, поясной фурнитуры, украшений. В эпоху чаа-тас в обиход кыргызских кочевников вошли наборные пояса, удила с железными стержневыми псалиями, стремена, сбруйные украшения, разнообразный набор оружия. В III в. на Енисей была занесена древнетюркская руническая письменность ²⁹. Большинство новаций кыргызской культуры не находят себе непосредственных прототипов в таштыкском инвентаре, а явля-

ются заимствованными из соседних кочевых культур древних тюрок и уйгуров. Исключения составляют бронзовые амулеты с парными головками лошадей и деревянные скульптуры баранов, обложенные золотой и серебряной фольгой³⁰. Близки по технике исполнения и стилю таштыкские и кыргызские петроглифы, которые в свое время все считались средневековыми. Не вполне ясно соотношение тамг обеих культур.

Сопоставление комплексов таштыкской и кыргызской культур свидетельствует о том, что совпадения затрагивают отдельные элементы конструкции погребальных сооружений, поминально-погребальной обрядности, единичные предметы сопроводительного инвентаря, стиль наскальных изображений. В то же время различия между культурами распространяются на территорию, состав памятников, характер погребальной обрядности, поминальные ритуалы, социальную стратификацию общества, инвентарные комплексы. Заметно отличен этнографический облик обеих культур. Это позволило в свое время А.Н.Липскому и Э.Б.Вадецкой усомниться в традиционном представлении о генезисе кыргызской культуры из таштыкской³¹. Конечно, отчасти наблюдаемые несоответствия объясняются стадийным характером различий, известной обособленностью таштыкской культуры в сравнении с кыргызской, имевшей широкие связи с древнетюркским кочевым миром, политическим и культурным влиянием древних тюрок на кыргызов в период существования каганатов, переселением отдельных групп древнетюркских кочевников в Минусинскую котловину после завоевательного похода Тоньюкука, Могиляна и Кюль-Тегина в начале VIII в. н.э.³² В дальнейшем тюркокий кочевнический облик кыргызской культуры еще более усилился в результате уйгурского влияния и завоевания кыргызами Центральной Азии в IX в.³³

Библиографические ссылки к главе "ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ"

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ.-Л., 1929.-Т.4.-Вып.2.-С. 51-54.
2. Там же.- С. 53, табл. II, У (1,2), У1.

3. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА.-М.; Л., 1949.- № 9.- С. 317-319.
4. Там же.- С. 318-319.
5. Там же.- С. 261.
6. Там же.- С. 264.
7. Евтухова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).- Абакан, 1948.- С. 6.
8. Там же.- С. 7-8, 27.
9. Кызласов Л.Р. Сырский чаа-тас // СА.-М, 1955.- Вып. 24.- С. 253.
10. Там же.- С. 254.
11. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины.- М., 1960.- С.151.
12. Там же.- С.156.
13. Кызласов Л.Р. Чаатасы Хакасии // Вопр. археологии Хакасии.- Абакан., 1980.- С. 110.
14. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры // АСТЭ, 1971.- Вып. 13.- С. 94-106.
15. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.- Новосибирск, 1979.- С. 157.
16. Мартынова Г.С. Погребения с "кыргызскими" вазами в курганах Михайловского могильника // Изв. ЛАИ.- Кемерово, 1976.- Вып. 7.- С. 68-80.
17. Вадецкая Э.Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири.- Л., 1975.- С. 173-183; Она же. Поминальные камни таштыкских могильников // КСИА.- М., 1971.- Вып. 128.- С. 34; Кызласов И.Л. Поминальные памятники таштыкской эпохи // СА.- 1975.- № 2.- С. 30-47.
18. Комплекс археологических памятников...- С. 142-144.
19. Там же.- С. 157-159; Худяков Ю.С. Типология погребений VI - XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Северная Азия.- Новосибирск, 1980.- С. 198-202.
20. Вадецкая Э.Б. Тагарские традиции в таштыкской культуре // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа.- Новосибирск, 1981.- С. 95-100; Амвროзов А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV - VIII вв.) // СА.- 1973.- № 4, рис. 2, 21; Савинов Д.Г. Народы

Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.- Л., 1984.- С. 40-43;
Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI - IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья.- М., 1981.- С. 48.

21. Баранов Л.Н. Сооружение и сожжение таштыкского склепа // Первобытная археология Сибири.- Л., 1975.- С. 162-165.

22. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей...- С. 122-128.

23. Там же.- С. 142-144.

24. Худяков Ю.С. Типология погребений VI - XII вв. ...- С. 198.

25. Там же.- С. 199-200; Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате.- Новосибирск, 1982.- С. 58.

26. Худяков Ю.С. Типология погребений VI - XII вв. ...- С. 201; Он же. Погребения по обряду трупоположения VI - XIV вв. в Минусинской котловине // Историческая этнография. Традиции и современность.- Л., 1983.- С. 142; Он же. Эволюция погребального обряда хакасов // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири.- Новосибирск, 1983.- С. 17.

27. Комплекс археологических памятников...- Рис. 55, 69, 72, 76, 77, 79, 83, 84; Худяков Ю.С. Раскопки чаа-таса Тепсей XI в 1977 году // Западная Сибирь в эпоху средневековья.- Томск, 1977.- Рис. 5.

28. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур...- С. 54.

29. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.- Новосибирск, 1979.- С. 205.

30. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири...- С. 318.

31. Липский А.Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II - VI в. до н.э. - IV в. н.э.) // Краеведческий сборник.- Абакан, 1956.- № 1.- С. 87-92.

32. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее...- С. 205-206.

33. Худяков Ю.С. Уйгуры на Среднем Енисее // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол., филос.- 1985.- № 14.- Вып. 3.- С. 59.

При выделении памятников, относящихся к енисейским кыргызам, С.А.Теплоуховым намечены группы средневековых погребений второй половины I – начала II тыс. н.э. Наряду с "каменными курганами" – чаа-тасами, отнесенными к V – VII вв. н.э., выделены "одиночные каменные курганы" с погребениями в сопровождении коня – VII в. н.э. и "каменные курганы VIII – X вв. н.э.", в которых встречаются погребения с конем и без коня¹. К этому времени были отнесены разнообразные предметы торевтики, заимствованный от согдийцев алфавит "орхонского письма", каменные изваяния². К XI – XII вв. были отнесены "плоские могилы" с одиночными трупоположениями, к XIII – XIV вв. – грунтовые захоронения по обряду трупоположения³. В отношении эволюции С.А.Теплоухов прямо не высказывался, однако, связав хронологические группы с определенными историческими событиями, указал на воздействия на местную культуру извне, как-то: "покорение кыргызов тюрками в VII в.", контакты с Китаем, уйгурское завоевание в VIII в., выход кыргызов в Центральную Азию в IX – X вв.⁴ Судя по логике рассуждений автора, эти события послужили причиной трансформации кыргызской культуры в VII – X вв.

Позднее систематизацией кыргызских древностей занималась Л.А.Евтюхова. Автором было выделено четыре типа средневековых погребений⁵. К VII – VIII вв. н.э. отнесены чаа-тасы и захоронения по обряду трупосожжения под небольшими каменными курганчиками, к VIII – IX вв. н.э. – "узкие длинные могилы" с трупосожжениями и трупоположениями, к IX в. – погребения с конем⁶. Л.А.Евтюхова предполагала, что кыргызы в IX в. сменили погребальную обрядность, перейдя от кремации на стороне к ингумации, включая захоронения с конем⁷. Инвентарь из всех намеченных групп погребений фактически не был хронологически дифференцирован Л.А.Евтюховой, поскольку аналогичные предметы относятся то к характерным типам вещей VII – VIII вв., то к "новым формам" IX – X вв.⁸ С.В.Киселев относил к VI – VIII вв. курганы чаа-тас и курганчики "рядового населения"; к IX – X вв. – погребения с конем и захоронения знати по "архаическому обряду сожжения"⁹. Инвентарь обеих групп охарактеризован суммарно, однако в отдельных случаях автор противопоставляет

трехлопастные стрелы VI – VIII вв. плоским, изготавливавшимся, по его мнению, в IX – X вв., "копенский стиль" в тюркитике более позднему – "туктатскому" ¹⁰. Другие исследователи, работавшие на Енисее в 20–30-е годы, В.Г.Карцов и В.П.Левашова не выделяли в составе средневекового периода отдельных хронологических этапов, описывая эти материалы суммарно ¹¹. Позднее В.П.Левашова поддержала точку зрения о переходе "кыргыз-хакасов" на обряд трупоположения с конем в IX в. ¹²

Существенные изменения в оценках эволюции кыргызской культуры произошли в 50–60-е годы, когда в научный оборот были введены материалы из раскопок кыргызских памятников в Туве. Появились некоторые новые данные из Минусинской котловины. Л.Р.Кызласовым было предложено передатировать чаа-тасы вплоть до X в. ¹³ На материалах Тувы автором было выделено два этапа кыргызской культуры: IX – X и XI – XII вв. ¹⁴ Точка зрения о принадлежности кыргызам курганов с трупосождением в Туве была поддержана С.И.Вайнштейном, А.Д.Грачом, Д.Г.Савиновым ¹⁵. Поначалу вызвало сомнение отнесение к числу кыргызских – памятников XI – XII вв. ¹⁶ Д.Г.Савинову принадлежит мысль о выделении различных вариантов в кыргызской культуре XI–XII вв.: "минусинского и "тувинского" ¹⁷.

Во второй половине 70-х годов Л.Р.Кызласов предложил выделить из состава кыргызских древностей три самостоятельные культуры, следующие одна за другой: чаа-тас – V – IX вв., туктатская – IX – середина X в., аскизская – X – XIV вв. ¹⁸ Как видно, хронология существования этих "культур" была значительно изменена в сравнении с прежними представлениями без какой-либо аргументации. Эти предложения были активно поддержаны И.Л.Кызласовым, начавшим именовать памятники X – XII вв. – "малиновским", а XIII – XIV – "каменским этапом аскизской культуры" ¹⁹. Затем "малиновский этап" был поделен на три периода: эйлиг-хамский, оглахтинский и черновский, при этом оказался смещенным на начало XIII в. – рубеж малиновского этапа ²⁰. Дробление кыргызских древностей на хронологические отрезки было продолжено Л.Р.Кызласовым в начале 80-х годов – два этапа в культуре чаа-тас: утинский – VI – VII вв. и копенский – VIII – первая половина IX в. ²¹ Ряд исследователей, восприняв первоначальную схему деления Л.Р.Кызласовым кыргызских древ-

ностей на две культуры, предлагали свои варианты этого членения. Я.И.Сунчугашев выделил памятники VI – IX и VIII – XII вв.²² М.П.Грязнов предложил объединить в пределах "кыргызского времени" культуры "чаа-тас" – VI – IX вв. и "аскизскую" – X – XII вв.²³ Г.В.Длужневская предположила, что кыргызская культура в Туве в X в. "трансформируется в аскизскую"²⁴. Позднее она выделила несколько локальных вариантов в кыргызской культуре Тувы, предложив каждому из них свой период существования. Согласно ее точке зрения, бронзовая торевтика с "тихтытской орнаментацией" и железная "аскизского облика" в X – XI вв. в Туве сосуществуют, относясь к различным племенным группам кыргызов, причем "тихтытский орнамент" был воспринят населением Саяно-Алтая от киданей²⁵. Г.В.Длужневской принадлежит специальная работа, посвященная уточнению названия археологической культуры енисейских кыргызов²⁶.

Вопросы периодизации рассматривались автором данной работы на материалах кыргызских погребальных памятников Минусинской котловины²⁷. Специально изучались данные о появлении кыргызов в Монголии, Забайкалье, Западной Сибири²⁸. Для уточнения вопросов хронологии, периодизации, культурной принадлежности, культурно-хозяйственного типа кыргызов был взят в качестве объекта исследования локальный район – долина р. Табат, расположенная на юге Минусинской котловины, где кыргызские памятники находятся в непосредственной пространственной связи друг с другом, что повышает их информативность²⁹. Проведенный анализ продемонстрировал неоправданность членения кыргызских древностей на обособленные культуры, показал преждевременность "уточненной хронологии" с точностью до нескольких десятилетий. Материалы кыргызской и таштыкской культур не дают оснований для передатировки по аналогии со шкалой восточно-европейских древностей, в которых присутствуют предметы торевтики, выполненные в полихромном стиле. На Енисее таких изделий нет, исключая Знаменский клад, культурная принадлежность которого не ясна³⁰. Абсолютная датировка многих комплексов кыргызской культуры основана на аналогиях и привязке к известным историческим событиям. Надежно датированными могут считаться предметы с руническими надписями, поскольку эта письменность могла быть занесена на Енисей тюрками в начале VIII в.³¹ Важным

хронологическим рубежом для саяно-алтайских древностей является время распространения кыргызских курганов в Туве в IX в. ³² Общепринята датировка определенных комплексов монгольским временем ввиду находок в их составе предметов с монгольскими надписями квадратным письмом ³³. В некоторых кыргызских комплексах встречаются дальневосточные монеты различных династий ³⁴. Поэтому можно считать существующую периодизацию кыргызских древностей вполне приемлемой для определения основных этапов эволюции кыргызской культуры. Серьезным пробелом в этой периодизации остается отсутствие данных по периоду позднего средневековья, поиски которых пока не дали результатов. Это ограничивает возможность проследить эволюцию кыргызской культуры до момента ее вытеснения из Минусинской котловины в начале XIII в. ³⁵ Поэтому анализ изменений в кыргызской культуре в настоящей работе охватывает периоды раннего и развитого средневековья, с VI в. по XIV в. н.э.

В течение рассматриваемого временного интервала кыргызская культура неоднократно существенным образом меняла свой облик под воздействием внутренних и внешних причин. Каждое изменение соответствует определенному хронологическому отрезку, получившему наименование по наиболее характерному типу памятников, либо по наиболее значимому историческому событию, отразившемуся на облике материальной культуры кыргызов.

В эпоху чаа-тас, получившую наименование по наиболее характерному типу памятников, охватывающую VI – VIII вв. н.э., кыргызская культура характеризуется значительным разнообразием культурообразующих элементов ³⁶. В наибольшей степени изученными среди них являются погребальные памятники – могильники чаа-тас, включающие каменные курганы сложной конструкции – чаа-тас, небольшие "рядовые" каменные курганчики, бескурганные грунтовые захоронения, сопроводительные погребения вокруг курганных насыпей – чаа-тасов, символические захоронения – кенотафы ³⁷. Эти памятники распространены по всей территории Минусинской котловины от предгорьев Саян до истоков Чулыма, ограничивая территорию кыргызской культуры в VI – VIII вв. н.э.

Наиболее известными памятниками этого времени, обратившими на себя внимание ученых еще в XVIII в., являются курганы чаа-тас. Это объекты со сложным наземным сооружением в виде квад-

ратной, прямоугольной, многогранной, округлой ограды из горизонтально уложенных плит. По сторонам, на небольшом расстоянии от внешнего края стен ограды установлены вертикальные стелы. В отличие от стел на тагарских курганах они не встроены в ограду и поэтому от времени покосились в разные стороны, придавая кыргызским кладбищам совершенно своеобразный, необычайный внешний вид, получив у местного населения названия "чаа-тас", "оба", "кёзе". Многие кладбища этого времени также имели собственные названия: "Чаа-тас", "Обалых-биль", "Кеп-Обалар", "Кеп-Кёзе", "Кёзеелиг-хол" и др.³⁸ У наиболее крупных курганов парные стелы вынесены за линию ограды, образуя "вход". Размеры курганов сильно варьируют, диаметр развала насыпи колеблется от 5 до 40 м, высота насыпей от 0,3 до 1,3 м. Насыпь образована частичным развалом стен во внутрь и вне ограды. Внутри ограды каменными плитами перекрывались могильные ямы округлой, квадратной и прямоугольной форм. В каждом кургане имелась одна, реже две могильные ямы. Стены ям обставлены деревянными кольями, перекрыты накатом из жердей, который подпирает опорный столб в центре могилы. На дне могилы помещены 1-3 скопления сожженных костей умерших, мясо овец 4-17 особей, преимущественно задние части туш, сосуды с жидкой пищей. Прах погребенных помещался в могилу в какой-либо емкости, сосуде-урне, берестяном коробе, мешочке из ткани или кожи. В некоторых курганах на периферии могильной ямы и под насыпью устраивались тайники с наиболее ценными вещами, дорогой посудой, сбруей, украшениями, оружием. Нередко металлические предметы: удила, украшения, наконечники лопат, сошники, серпы и др. встречаются прямо в насыпи. Если в землеройных орудиях можно видеть средство грабежа, а в отдельных дорогих предметах — результат потерь награбленного в могилах, то такие вещи, как удила, серпы, наконечники стрел, пряслица вполне могли помещаться в насыпь специально строителями чаа-тасов. Чаа-тасы, несмотря на бедность находками в некоторых из них и существенные различия в конструкции и размерах, принято относить к аристократии, или "родовой знати", высшему социальному слою кыргызского общества³⁹. В составе единовременных кладбищ курганы чаа-тас, как правило, немногочисленны, уступая различным рядовым погребениям.

Рядовые погребения по обряду трупосожжения встречаются под

насыпями небольших, округлой формы каменных курганчиков диаметром 1 – 6 м, высотой – 0,1 – 0,5 м, под полами насыпей курганов чаа-тас и в грунтовых ямках. Они содержат по 1–2 скопления жженных костей умерших в могилах, стены которых изредка укреплены кольями, реже каменными плитами. Прах погребенных захоранивался в керамических сосудах, урнах, берестяных коробках, деревянных ящиках, каменных ящиках, в мешочках из ткани. Сопроводительный инвентарь, мясо овец и сосуды в большинстве случаев отсутствуют ⁴⁰.

В зависимости от возраста по-разному хоронили кыргызы детей и подростков, но всех по обряду ингумации. Они погребены под насыпями небольших курганчиков до 1,5 м в диаметре и 0,2 м высотой, под полами насыпей курганов чаа-тас, в грунтовых могилах. Погребенные лежат в могильных ямах, перекрытых плитами. Дети до трех лет захоронены без сопровождения либо с 1–2 сосудами, дети и подростки 3 – 15 лет погребены с 2 сосудами и мясом овцы (рис. 1) ⁴¹. Изредка детские погребения встречаются одиночно. Если возрастная дифференциация погребального обряда кыргызов устанавливается достаточно определенно, то различия в захоронении мужчин и женщин не улавливаются. Иногда на площади кыргызских кладбищ встречаются курганы без погребений или пологие насыпи со стелами, в могильных ямках которых обнаружены черепа лошадей. Предположительно они могут быть отнесены к символическим захоронениям – кенотафам ⁴².

Другой вид памятников эпохи чаа-тас – поселения – изучен недостаточно полно. Большинство из известных к настоящему времени поселений представляет собой развешенные донные стоянки – временные летние и зимние поселения скотоводов ⁴³. На поверхности жилой территории встречаются обломки кыргызской гончарной и лепной керамики, железные предметы вооружения, сбруи, инструменты, украшения, кости домашних животных. На некоторых памятниках встречены следы железоделательного производства: горны, печи, железоплавильни, шлаки ⁴⁴. Известно одно поселение с культурным слоем мощностью до 0,3 м. Находки на малокопенском поселении представлены преимущественно фрагментами керамики, обломками костей овец, лошадей, коров. Есть основания предполагать наличие следов жилищ округлой формы типа юрт ⁴⁵. Отдельные исследователи предлагают относить к эпохе чаа-тас дол-

говременные "храмовые" постройки и фортификационные сооружения, например, "тувинскую стену" — "Омайтура" на юге Минусинской котловины⁴⁶. Раскопки данного сооружения убедительно продемонстрировали ошибочность такого предположения, поскольку это укрепление использовалось для обороны Саянского каньона Енисея с севера⁴⁷.

К эпохе чаа-тас относятся и другие виды памятников: петроглифы, тамги, рунические надписи, кладны. Весьма разнообразен предметный комплекс материальной культуры кыргызов в эпоху чаа-тас.

Наиболее характерна для этого периода гончарная керамика, вошедшая в литературу под названием "кыргызские вазы". Как удалось установить Л.А.Евтуховой, вазы формировались из спирально скручивавшейся ленты с последующей доработкой, прикреплением дна и горловины⁴⁸. Вазы различаются по форме. Большинство из них представляют собой плоскодонные сосуды с яйцевидным туловом и узкой невысокой горловиной и отогнутым венчиком. Встречаются бутылки с яйцевидным туловом и очень узким горлышком и шаровидные сосуды. Кыргызские вазы орнаментировались цилиндрическим штампом, с помощью которого наносились пояски елочного орнамента. Предназначались они, вероятно, для хранения вина, которое, согласно летописи, кыргызы "квасили из каши"⁴⁹. Гончарная посуда, по всей вероятности, была завезена на Енисей из Центральной Азии еще на тепсейском этапе таштыкской культуры, а в эпоху чаа-тас широко изготавливалась самими кыргызами, о чем свидетельствуют асимметрия многих сосудов, примесь в тесте щебня, мелкой гальки, характеризующие домашнее производство. Помимо гончарной у кыргызов широко использовалась лепная керамика: вазы, горшки, бокалы. Нередко встречаются вместительные тарные сосуды-хумы, которые использовались и в качестве погребальных урн. Кыргызская знать пользовалась дорогой металлической посудой, золотыми и серебряными кувшинами и кружками, блюдами. Иногда встречаются привозные лаковые чашечки⁵⁰.

Предметы вооружения в кыргызских памятниках эпохи чаа-тас сравнительно немногочисленны. В чаа-тасах обнаружены коленчатые однолезвийные кинжалы, железные трехлопастные наконечники стрел ярусного, удлиненно-треугольного, удлиненно-ромбическо-

го, удлинённо-шестиугольного и вытянуто-пятиугольного типов, железные мечи, наконечники копий, боевые топоры, панцирные пластины, обнаруженные на разветвленных поселениях ⁵¹.

Сбору представлена двусоставными удилами, иногда с витыми звеньями, с кольчатыми или двухкольчатыми окончаниями, с эсвидными стержневыми псалиями и стременами с широкой подножкой, округлой или пластинчатой петлей. К сбору относятся разнообразные уздечные и седельные бляшки. Многие из них орнаментированы растительным или зооморфным орнаментом. В состав сборных ремней входили подпружные и уздечные пряжки и бубенцы.

Пряжки и накладки являлись необходимыми элементами наборных поясов, которые вошли в употребление у мужчин-воинов. Кыргыз, как женщины, так и мужчины, носили серьги. В качестве женских украшений носились бусы, браслеты, монеты. Сохранившиеся с таштыкских времен бронзовые амулеты с парными головками или схематическими фигурками лошадей носили мужчины ⁵².

Деревянные фигурки баранов, обложенные золотой, серебряной и медной фольгой, служили, вероятно, как и в таштыкское время, символом обильных стад, сопровождающих умерших в загробный мир ⁵³. В насыпях курганов чаа-тас встречаются землеройные орудия: чугунные сошники, костяные мотыги, железные серпы, железные наконечники лопат ⁵⁴. На разветвленных поселениях эпохи чаа-тас попадают бытовые инструменты: железные черешковые ножи, шилья, булавки, оселки, пряслица из стенок гончарных и лепных сосудов, куранты зернотерок, жернова ручных мельниц ⁵⁵.

В инвентарном комплексе эпохи чаа-тас отражены существенные изменения в материальной культуре населения Минусы в сравнении с таштыкским временем. Наиболее значителен круг заимствований извне в области вооружения, сбору, сборных и поясной фурнитуры, украшений, металлической посуды. Практически все перечисленные инновации привнесены на Енисей из тюркского кочевого мира или из стран Средней и Восточной Азии через посредство тюрков. От тюрков кыргызы переняли руническую письменность и обычай создания посмертных эпитафий. Устойчивое влияние древнетюркской культуры на кыргызскую неудивительно в свете неоднократного покорения кыргызского государства тюрками катанам, расселения тюрков в Минусе в VIII в., династических уз правящих родов тюрков и кыргызов ⁵⁶. Вместе с тем "тюркизацию" кыр-

гызской культуры вряд ли следует рассматривать как односторонний процесс механического заимствования периферией культурных достижений центра историко-культурного региона. Правильнее представлять данную фазу культурогенеза в качестве слияния из отдельных родотвенных культур в общий историко-культурный феномен за счет интенсификации культурных контактов разных групп кочевников внутри тюркских государственных образований. Местная кочевая знать, подчинившаяся тюркским каганам и вошедшая в военно-административную систему каганата, быстро переориентировалась на престижные элементы военнотрудовой культуры: военную титулатуру, комплекс вооружения, нарядную сбрую и пояса, дорогую посуду, способ запечатления своих подвигов в надгробных эпитафиях. Можно полагать, что после завоевания кыргызоких земель и расселения на них тюрков в VIII в. тюркская военная знать временно оттеснила кыргызскую аристократию от управления государством, а после падения II Восточнотюркского каганата натурализовалась среди кыргызов, привнеся в местную культуру свои традиции ⁵⁷.

Сложнее говорить об уйгурском влиянии на кыргызов в эпоху чаа-тас, поскольку уйгурские памятники еще недостаточно изучены. По всей вероятности, уйгуры смогли совершить успешный военный поход в Минусу лишь в самом конце VIII в., в правление кагана Кутлуга. С этого времени отмечается определенное влияние уйгурской орнаментики на кыргызскую и минусинско-тюркскую торовитку ⁵⁸. Для чаа-тасов такие заимствования менее очевидны. Можно полагать, что распространение сложной растительной орнаментации, восточно-азиатских и ирано-согдийских сюжетов в торовитке, своеобразие в оформлении профильных изображений животных связано уже с периодом существования уйгурского каганата. Не исключено уйгурское, точнее, согдийское через посредство уйгур влияние на фортификацию глинобитных сооружений Минусы. В то же время между уйгурской и кыргызской гончарной керамикой сравнительно мало общего, в особенности в орнаментике.

В эпоху чаа-тас кыргызы эпизодически осуществляли непосредственные контакты со странами земледельческой цивилизации Восточной и Средней Азии, совершая посольства ко двору империи Тан, пригоняя лошадей для обмена, отправляя торговые караваны

в Тибет, Восточный Туркестан и Согд⁵⁹. Какие-то предметы восточно-азиатского производства могли попадать на Енисей вследствие дипломатических даров и торговли, в частности изделия танских торевтов, лаковая посуда, монеты. Однако эти контакты не могли быть достаточно регулярными из-за дальности расстояния и политической зависимости кыргызов от тюрок и уйгуров.

В эпоху "великодержавия", получившую наименование по наиболее значительному событию в истории кыргызов — завоеванию Центральной Азии⁶⁰, охватывающую IX — X вв. н.э., памятники кыргызской культуры распространились далеко за пределы Минуинской котловины, включая Красноярско-Канский район, Приобье, Алтай, Восточный Казахстан, Туву, Монголию, Забайкалье. Письменные источники свидетельствуют о проникновении кыргызов в этот период в Восточный Туркестан и к границам империи Тан⁶¹. Погребальные памятники этого времени очень разнообразны. Наибольшее число кыргызовских курганов IX — X вв. в настоящий момент изучено в Туве. Наиболее характерным типом могильных сооружений этого времени являются курганы хыргыс-ур, со стеной-крепидой по периметру, каменной насыпью и стелой подле кургана. Под насыпью в неглубоких могильных ямках — I-2, реже 3-4 скопления жженных костей умерших, мясо овцы, коровы, лошади и сосуды с жидкой пищей. Мужские захоронения богаты инвентарем, предметами вооружения, сбруи, поясного набора. На стелах бывают нанесены изображения тамг и тексты эпитафий руническим письмом⁶².

Наряду с курганами хыргыс-ур кыргызы в эпоху великодержавия сооружали кольцевые каменные насыпи, в основании которых иногда прослеживается стена-крепида с захоронениями по обряду сожжения, рассыпанными на горизонте⁶³. Такие сооружения известны под названием "хыргыстар-сууктэр". Подобная конструкция надмогильных сооружений станет наиболее распространенной с начала II тыс. н.э.

В IX — X вв. встречаются курганы с крепидой, являющиеся упрощенной модификацией курганов хыргыс-ур, в которых наряду с погребениями по обряду трупосожжения находятся отдельные предметы вооружения и сбруи⁶⁴. В указанный период известны объекты с округлой или овальной насыпью, под которой находилось несколько погребений в ямках по обряду сожжения, погреб-

бения с сожжением в каменных ящиках, захоронения женщин и детей по обряду трупоположения (рис. 2) ⁶⁵.

В отдельных районах, преимущественно на периферии Минусинской котловины, зафиксированы погребения по обряду трупосожжения в небольших грунтовых ямках без насыпи с предметами вооружения и сбруи ⁶⁶.

В Приобье к кыргызской культуре принято относить земляные курганы с погребениями по обряду трупосожжения в неглубоких овальных ямах и на горизонте с предметами сбруи, вооружения, украшениями, керамической посудой, характерной для данного района ⁶⁷. Встречаются небольшие каменные курганы с крепидами, в могильных ямках которых отсутствовали погребения, но находились отдельные предметы вооружения, сбруи, детали пояса, мясо овец. Это символические захоронения — кенотафы. Есть курганы вообще без находок — "ложные", или "меморативные" ⁶⁸. Детей в IX — X вв. кыргызы продолжали хоронить по обряду трупоположения с сосудами, отдельными предметами и без вещей под насыпями небольших курганчиков, в ямках, под насыпями больших овальных и округлых курганов, в ямках, в насыпях курганов хыргыс-ур ⁶⁹. Весьма разнообразна погребальная обрядность иноплеменного населения, оказавшегося на землях расширившего свои границы Кыргызского каганата. В IX — X вв. достаточно обширен ареал распространения древнетюркских погребений с конем. Встречаются древнетюркские кенотафы с манекеном вместо скелета умершего. Сравнительно редки погребения по обряду трупосожжения с сожжением коня, вероятно, также древнетюркские, но включившие кыргызскую погребальную обрядность ⁷⁰. В это время известны уйгурские захоронения со шкурой коня. Разнообразны одиночные трупоположения. В Минусинской котловине эти погребения в ямках, с сосудами, мясом овцы и отдельными вещами, под каменными насыпями можно отнести к кыштымам. На периферии кыргызского каганата, за пределами основных земель расселения кыргызов преобладают захоронения местных племен. Наиболее компактно кыргызы в этот период населяли Туву, сравнительно немного их памятников в Минусе. На остальных территориях кыргызские погребальные памятники единичны.

Поселения эпохи великодержавия изучены в Минусинской котловине. Это летние и зимние стоянки скотоводов-кочевников, лишен-

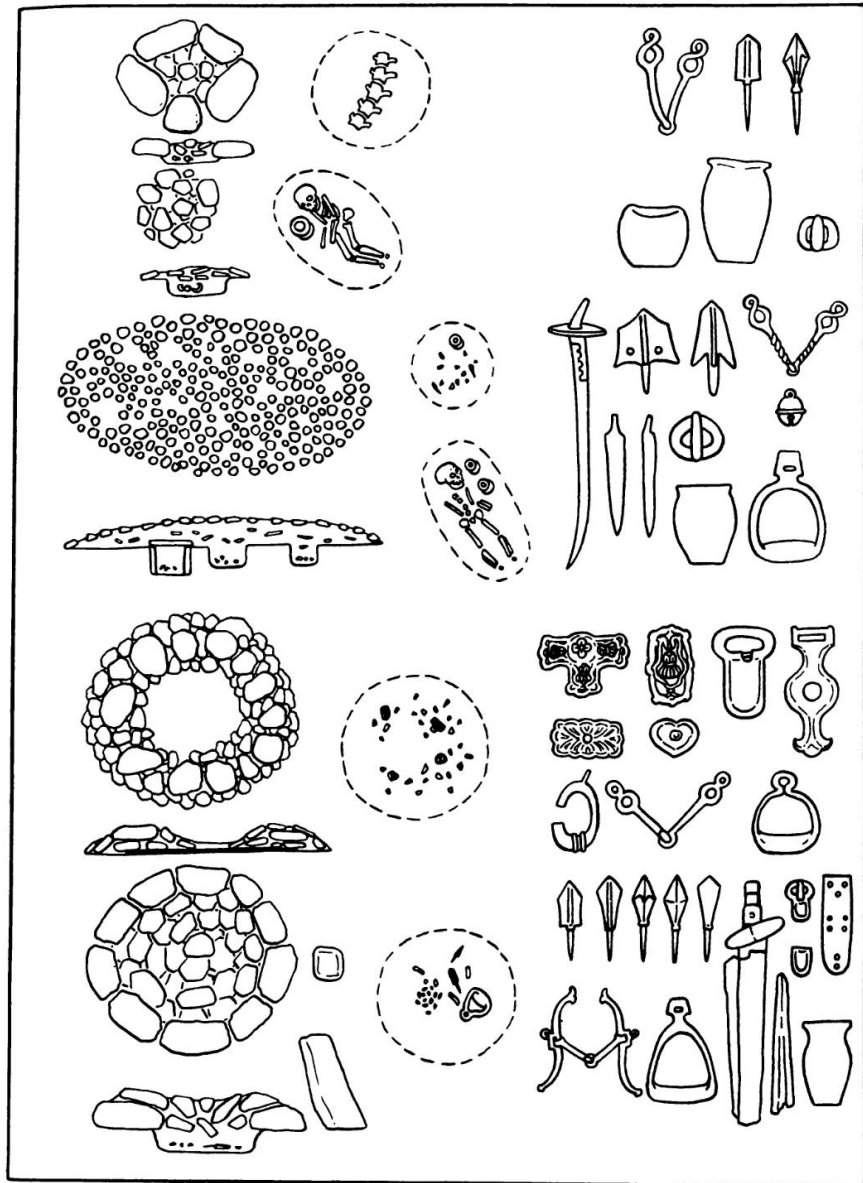

Рис. 2. Эпоха великодержавия IX - X вв. н.э.

ные культурного слоя. На поверхности жилой территории встречаются обломки керамики, железные предметы вооружения и сбруи, бронзовые предметы торевтики, монеты, кости домашних животных⁷¹. На некоторых поселениях зафиксированы следы металлургического производства. К этому периоду, по данным Л.Р.Кызласова, должны относиться остатки глинобитного сооружения на р.Уйбат, определенные как "замок-дворец" кыргызского кагана⁷². Вокруг "замка" прослежены следы поселения. К этому периоду относятся и отдельные фортификационные сооружения. К эпохе великодержавия относится большая часть кыргызских рунических надписей и сопутствующих им тамг, наскальные рисунки, клады.

Предметный комплекс кыргызской культуры в эпоху великодержавия включал разнообразные предметы.

В курганах IX – X вв. встречается, хотя и очень редко, гончарная и лепная керамика. Это "кыргызские вазы", лепные горшки и банки⁷³. Применялись кыргызами и металлические, серебряные и бронзовые, кувшины с носиком, кувшинчики на поддонах, кружки, ковши, чарки. Дорогая серебряная посуда попадала к кыргызам в результате грабежа уйгурских кочевий и городов и торговли с государствами Средней Азии.

Весьма разнообразен по видовому и типологическому составу комплекс кыргызского вооружения в эпоху великодержавия: палаши, сабли, копья, боевые топоры, кинжалы, луки, трехлопастные, четырехлопастные, двухлопастные, плоские, трехгранно-трехлопастные, четырехгранно-четырехлопастные, трехгранные и четырехгранные наконечники стрел, колчаны, чешуйчатые панцири и кольчуги⁷⁴. Сбруя включала двусоставные удила с одно- и двухкольчатыми окончаниями, эсвидными и изогнутыми псалиями, стремена с округлой или пластинчатой петлей. Седельные и уздечные ремни богато украшались бронзовыми, иногда с позолотой, накладками с разнообразным орнаментом⁷⁵. Пряжки и накладки входили в состав наборных поясов. Из украшений известны также серьги, бусы, монеты. К этому времени относится большая часть танских монет на Енисее. На некоторых из них есть рунические надписи. Высказано предположение об использовании танских монет для денежного обращения в Кыргызском каганате⁷⁶.

В кыргызских комплексах встречаются железные ножи, напильники, долота, серпы, косы. К этому же времени, вероятнее всего, относятся лемехи и отвалы танских плугов.

Характер погребальной обрядности и инвентарный комплекс IX – X вв. отражают изменения в кыргызской культуре этого периода в сравнении с эпохой чаа-тас. В литературе отмечалась генетическая связь курганов кыргыс-ур с чаа-тасами. Действительно, курганы с крепидой по периметру насыпи и одиночной стелой или без нее зафиксированы в отдельных случаях в составе могильников VI – VIII вв. Их можно рассматривать как упрощение надмогильных конструкций курганов чаа-тас, произошедшее, вероятно, под влиянием тюрков. В IX – X вв. более простыми стали и внутримогильные конструкции: из округлой или овальной могильной ямы с частоколом и подпорным столбом они превратились в неглубокие ямки. Изменился, хотя и не сразу, и сам обряд. Реже в могилу стали помещать заупокойную пищу, зато возросло количество инвентаря. Эти изменения связаны с военизацией жизни, возросшей подвижностью населения в ходе завоевательных походов. Для обеспечения нужд длительной войны резко возросло и дифференцировалось производство оружия. В обиход кыргызского населения широко вошла богато орнаментированная поясная и сбруйная фурнитура, воспринятая у побежденных уйгур. Награбленные и полученные в результате торгового обмена предметы роскоши частично осели в погребениях. Кыргызская культура в IX – X вв. значительно расширила возможности непосредственных контактов с земледельческими странами. Заметно расширился ввоз иноземных вещей. Кыргызские каганы, подобно правителям других кочевых держав, пытались путем ввоза танских земледельческих орудий и монет стимулировать местное земледелие и ввести денежное обращение. С помощью чужеземных строителей была предпринята попытка градостроительства. Эти меры, преследовавшие, в основном, фискальные цели, не учитывали реальных возможностей кочевого общества и не привели к изменению культуры. Наоборот, в сравнении с эпохой чаа-тас кыргызская культура IX – X вв. приобрела гораздо более "общекочевнический характер", утратив былую провинциальную обособленность. Инвентарный комплекс в кыргызской культуре малоспецифичен в сравнении с культурами тюрков, кимаков и других кочевников конца I тыс. н.э. в Саяно-Алтайском историко-культурном районе.

В последующую эпоху, получившую наименование по основному типу памятников "кыргыстар сууктар", охватывающую XI – XII вв.

н.э., памятники киргизской культуры распространены преимущественно в Саяно-Алтае ⁷⁷. В отличие от предшествующего времени их немного в Туве, но значительно больше в Минусинской котловине. На Алтае и в Красноярском районе такие памятники единичны.

Наиболее характерны для данного периода курганы типа ("хыргыстар") "сууктэр" с кольцевой насыпью, в основании которой иногда прослеживается стена-крепида. Очень редко близ насыпи устанавливалась вертикальная стела. Под насыпью на горизонте рассыпаны остатки погребального костра, жженные кости человека, железные детали сбруи, оружие, украшения. На горизонте встречаются остатки тризны, в основном кости овец и лошади ⁷⁸. В отдельных курганах зафиксированы скелеты собак и кости ног (возможно, со шкурой) коней. Очень редко встречаются аналогичные бескурганные захоронения в ямках.

В составе могильников XI - XII вв. обнаружены курганы, аналогичные курганам сууктэр, но не заключающие следов погребений. Под насыпями, на горизонте, обнаружены отдельные железные предметы. Вероятно, это символические захоронения, кенотафы ⁷⁹.

Изредка в могильниках эпохи сууктэр встречаются кольцевые курганы, под насыпями которых в могильных ямах находятся захоронения детей по обряду трупоположения, в сопровождении отдельных железных предметов (рис. 3).

Киргизские могильники эпохи сууктэр представляют собой сравнительно немногочисленные, по 5-10 объектов, кладбища воинов-дружинников, вытянутые в цепочку по гребням и увалам холмов. В некоторых из них присутствуют небольшие поминальные курганчики с округлой насыпью, сопутствующие курганам сууктэр. И в составе киргизских могильников, и одиночно встречаются захоронения иных этнических групп: кыштымов по обряду трупоположения в каменных ящиках под кольцевыми насыпями, потомков уйгуров в ямах, разделенных каменной стенкой, по обряду трупоположения со шкурой коня ⁸⁰.

Поселения эпохи сууктэр изучены на территории Минусы. Преимущественно это летние и зимние стоянки кочевых скотоводов без культурного слоя. На поверхности площади поселений встречаются железные предметы вооружения, сбруи, ножи, пряжки, бляшки, накладки, кости домашних животных ⁸¹. Встречаются поселе-

ния со следами железнотделательного производства. К эпохе сууктэр принято относить крепости-убежища на вершинах и увалах гор, куда население окрестных мест скрывалось в момент военной опасности⁸². Эти памятники лишены культурного слоя и слабо поддаются датировке. Вблизи некоторых из них обнаружены курганы эпохи сууктэр, что позволяет предполагать синхронность сооружения обоих видов объектов. В литературе есть упоминания, что "замок" в долине р. Уйбат функционировал и в начале II тыс. н.э.⁸³

Высказывалось предположение об утрате кыргызами рунической письменности в XI - XII вв.⁸⁴ К эпохе сууктэр относятся изображения тамг на каменных стенах в Минусинской котловине и Туве. Нет ясности относительно создания в этот период наскальных изображений. Возможно, к этому периоду относятся клады предметов защитного вооружения.

Большим своеобразием в сравнении с предшествующей эпохой отличается предметный комплекс кыргызской культуры XI - XII вв. н.э.

В курганах этого времени практически отсутствует керамика. Известен лишь один случай обнаружения фрагмента лепного сосуда⁸⁵. По-видимому, деградация керамики, характерная для всех кочевых культур, завершилась в кыргызской культуре в начале II тыс. н.э. Взамен керамической стала шире применяться металлическая и кожаная посуда. Известны отдельные находки привозной и награбленной в военных походах серебряной посуды.

Произошли изменения в комплексе вооружения. В XI - XII вв. кыргызские воины пользовались палашиами, саблями, копьями, боевыми топорами, кинжалами, луками, стрелами с трехлопастными, плоскими, трехгранными, четырехгранными ромбическими, прямоугольными наконечниками, колчанами, чешуйчатыми и пластинчатыми панцирями, шлемами⁸⁶. В составе сбруи представлены удила со стержневыми, пластинчатыми, кольцевыми псалиями, стремяна с пластинчатой петлей без перехвата и прорезным отверстием для путлища в дужке. Существенно преобразилась поясная и сбруйная фурнитура. Изменения связаны с переходом к новой технологии изготовления предметов торевтики, к ковке по железу с серебряной аппликацией. Пряжки, накладки, тройники, подвески, псалии, оковки седел стали украшаться геометрическим орнаментом, со-

ответствующим возможностям новой технологии ⁸⁷.

Из личных украшений в курганах сууктэр встречаются серьги, бусы, сунские монеты. На памятниках обнаружены находки железных ножей, булавок, игл, пинцетов, кресал, напильников, молотков, наконечников лопат и др. Изменения фиксируются по сравнению с предшествующей эпохой как в погребальной обрядности, так и в инвентаре. Курганы сууктэр подобны киргызским курганам эпохи вежигодержавия с кольцевой насыпью и захоронением на горизонте. В IX – X вв. существовали также бескурганные захоронения, погребения детей по обряду трупоположения, кенотафы. Изменения коснулись формы насыпей и состава инвентаря. Повсеместно исчезла керамика и произошел переход на железную торевтику. Эти перемены носят стадильный характер. В составе вооружения произошла универсализация многих типов оружия, связанная с интенсификацией конного боя. Переоформление и изменения в орнаментации предметов торевтики были обусловлены технологическими причинами, носящими стадильный характер, связанными с развитием и совершенствованием железоделательного ремесла, освоением приемов поверхностной таушировки ⁸⁸. На облике киргызской культуры эпохи сууктэр мог сказаться разрыв традиционных связей со странами земледельческой цивилизации Восточной и Средней Азии из-за завоевания и расселения в Центральной Азии киданей и других монголоязычных племен. Киргызские комплексы с железной, апплицированной серебром торевтикой трудно сравнивать с материалами других культур ввиду плохой сохранности железных предметов в погребениях по обряду трупоположения. Поэтому вопрос об истоках новых традиций в художественной обработке металла пока нельзя считать решенным.

В "монгольскую" эпоху, называемую так по важному историческому событию в истории киргызов в XIII – XIV вв. ⁸⁹ – добровольному подчинению киргызских княжеств Чингиз-хану и вхождению в состав монгольской империи, памятники киргызской культуры сосредоточены в Минусинской котловине ⁹⁰. Выказывалось мнение о наличии единичных погребений киргызов монгольской эпохи в Туве ⁹¹.

Погребальные памятники этого времени однотипны с курганами сууктэр, с пологой кольцевой каменной насыпью и погребением по обряду трупосождения на горизонте. В захоронениях встреча-

ются остатки гризны в виде обломков костей животных, железные предметы вооружения, сбруи, бытовые предметы (рис. 4) ⁹².

Погребальным памятникам иногда сопутствуют небольшие поминальные курганчики без находок. Разнообразны погребения кыштымов в курганах и грунтовых могилах.

К монгольской эпохе на Енисее относят клады из серебряных сосудов, аналогичных часовенногорскому кубку на поддоне ⁹³. Поселения монгольской эпохи малоизвестны ввиду слабой дифференцированности инвентарных комплексов, включающих предметы бытового назначения, от материалов предшествующего времени. На развееянных поселениях кочевых скотоводов иногда встречаются железные удила, псаали, накладки, оковки седел с характерным геометрическим орнаментом, железные крючья, двузубые вилочки, серьги монгольского типа ⁹⁴. По всей вероятности, эти памятники надо относить к летним и зимним стойбищам кочевых скотоводов.

Предметный комплекс кыргызской культуры в монгольскую эпоху малоспецифичен в сравнении с предшествующим временем.

Керамика в памятниках полностью отсутствует. Изредка встречается дорогая привозная серебряная посуда ⁹⁵.

В составе комплекса предметов вооружения можно выделить плоские асимметрично-ромбические, боеголовковые, секторные, томары; ромбические боеголовковые; четырехгранные удлиненно-треугольные и боеголовковые наконечники стрел. Применялись в монгольскую эпоху и другие виды оружия, однако в комплексах они не обнаружены. В курганах найдены обломки панцирных пластин. К монгольскому времени относятся двусоставные удила с кольчатыми и пластинчатыми псаалиями, стремяна с прорезью в дужке, накладки сбруи, начельники, оковки седел, застёжки, пряжки, пробои с кольцами для топорков, заклепки, обоймы. Свообразна орнаментация вещей. Из других предметов известны ножи, шилья, крики, вилочки, кресала, гвозди ⁹⁶. Очень редки монеты монгольских династий.

Изменения в кыргызской культуре монгольского времени мало затронули погребальную и поминальную обрядность. Кыргызские курганы этого периода аналогичны по форме предшествующим объектам эпохи сууктэр, отличаясь некоторой уплощенностью насыпи, меньшим числом объектов в могильнике. Нередко такие курга-

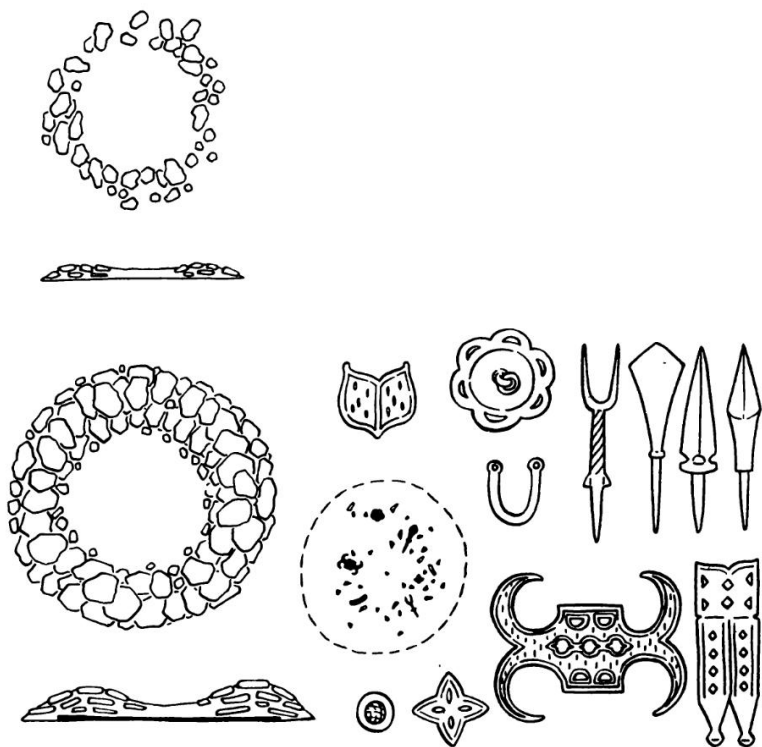

Рис. 4. Монгольская эпоха XIII – XIV вв. н.э.

ны встречаются одиночно. Заметно уменьшается в сравнении с эпохой сууктер общее количество памятников. В инвентарном комплексе новаций сравнительно немного. Изменения коснулись оформления и орнаментации железных деталей сбруи. Уменьшился видовой и типологический состав оружия.

Более явственно изменилось соотношение между кыргызскими и кыштымскими памятниками в Минусинской котловине. Последние заметно увеличиваются количественно, дифференцируются по погребальной обрядности, включают разнообразный сопроводительный инвентарь. Некоторые из них содержат дорогую серебряную посуду и украшения седла.

Отсутствуют следы заметного влияния на кыргызов монгольской культуры. Этот факт и ограниченный круг новаций трудно понять, учитывая изменение политической ситуации в Саяно-Алтае, вхождение кыргызских земель в состав монгольской империи.

Вероятно, ограниченный характер изменений связан с удаленным, периферийным положением Минусы в составе монгольского государства. Упадок и ослабление кыргызской культуры не были катастрофическими ввиду добровольного подчинения кыргызских князей монголам. Однако участие кыргызов в войнах монгольской империи, переселения на другие территории ослабили положение кыргызов на Енисее и вызвали усиление, увеличение численности и расселение по котловине племен кыштымов. Хотя кыргызы и позднее удерживали политическое господство над кыштымами, этническая ситуация в Минусе существенно изменилась.

Библиографические ссылки к главе "ЭВОЛЮЦИЯ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ"

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ.— Л., 1929.— Т.4.— Вып.2.— С.54—55.
2. Там же.— С.55, табл. II, 45—60.
3. Там же.— С.58.
4. Там же.— С. 55, 58.
5. Евтохова Л.А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее // Тр.ИИМ.— М., 1938.— Вып.8.— С.III, 120, 122.
6. Евтохова Л.А. Археологические памятники енисейских кыр-

гызов (хакасов).— Абакан, 1948.— С. 15, 53, 60, 66, 67.

7. Там же.— С. 66.

8. Там же.— С. 46, 717.

9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА.—М.; Л., 1949.— № 9.— С. 336, 342.

10. Там же.— С. 325, 329, 331.

11. Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района.— Красноярск, 1929.— С.48; Левашова В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края.— Красноярск, 1939.—С.52.

12. Левашова В.П. Два могильника кыргызов-хакасов // МИА.—М., 1952.— № 24.— С. 136.

13. Кызласов Л.Р. Сырский чаа-тас // СА, 1955.— Вып.24.— С. 256.

14. Кызласов Л.Р. О южных границах государства древних хакасов в IX — XII вв. // УЗХНИИЯЛИ.— Абакан, 1960.— Вып. 8.— С.62.

15. Вайнштейн С.И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири // УЗТНИИЯЛИ.— Кызыл, 1957.— Вып.5.— С.219; Грач А.Д., Нечаева Л.Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // УЗТНИИЯЛИ.— Кызыл, 1960.— Вып.8.— С.189; Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии.— М., 1972.— С.260.

16. Савинов Д.Г. Об изменении... — С. 261; Грач А.Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА, 1969.— Вып. 118.— С. 53, примеч. 35.

17. Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X — XII вв.): Автореф. канд. дис.— Л., 1974.— С. 8–9.

18. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири.— Л., 1975.— С.193; Он же. Древнехакасская культура чаа-тас VI — IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.— С.46; Он же. Тохтятская культура древних хакасов (IX — X вв.); Там же.— С. 54.

19. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII — XIV вв. // СА.— 1978.— № 1.— С. 122.

20. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири: Автореф. канд. дис.— М., 1977.— С. 15–16.

21. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаа-тас...-С.48.
22. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа.- Новосибирск, 1979.- С.100, 115, 119.
23. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. - Новосибирск, 1979.- С.5.
24. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий.- Омск, 1979.- С.49.
25. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX-XII вв.): Автореф. канд. дис.- Л., 1985.- С.12-16.
26. Длужневская Г.В. К определению названия археологической культуры енисейских кыргызов VI - XII вв. н.э. // Проблемы археологии и этнографии: Тез. докл. региональной конф.- Иркутск, 1982.- С. 177-118.
27. Худяков Ю.С. Типология погребений VI - XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Северная Азия.- Новосибирск, 1980.- С. 198-201, 202-204.
28. Худяков Ю.С. К вопросу о культурных связях Забайкалья и Южной Сибири в эпоху средневековья // Древнее Забайкалье и его культурные связи.- Новосибирск, 1985.- С.68.
29. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате.- Новосибирск, 1982.-С.4.
30. Подольский М.Л., Тетерин Ю.В. Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы // АО 1978 года.- М., 1979.- С.267.
31. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее...- С.205.
32. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами // Археология Северной Азии.- Новосибирск, 1982.- С.123.
33. Савинов Д.Г. О памятниках "часовенногорского типа" в Южной Сибири // Проблемы археологии и этнографии.- Л., 1977.- Вып. I.- С.91.
34. Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями // Нумизматика и эпиграфика.- М., 1984.- Вып.14.- С.84.
35. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.- Абакан, 1957.- С.161.
36. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...- С.26.
37. Худяков Ю.С. Типология погребений VI - XII вв....- С.198-201.

38. Худяков Ю.С., Нестеров С.П. Средневековые памятники в зоне Есинской оросительной системы // Археологические исследования в районах новостроек Сибири.- Новосибирск, 1985.- С. 214, примеч. 10.
39. Евтихова Л.А. Археологические памятники...- С.14.
40. Худяков Ю.С. Типология погребений VI - XII вв....-С.200.
41. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей...- С. 158.
42. Худяков Ю.С. Типология погребений VI - XII вв....-С.202.
43. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...- С. 27-34.
44. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии...-С.93-100.
45. Евтихова Л.А. Археологические памятники...- С.75-79.
46. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаа-тас...- С.50-51.
47. Длужневская Г.В., Варламов О.Б. Раскопки "крепости Омая" // Археология юга Сибири и Дальнего Востока.- Новосибирск, 1984.- С.129.
48. Евтихова Л.А. Археологические памятники...- С.93.
49. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.- М.; Л., 1950.- Ч.1.-С.351.
50. Евтихова Л.А. Археологические памятники...- Рис. 4, 67, 69, 70, 71, 72, 85.
51. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI - XII вв.- Новосибирск, 1980.
52. Евтихова Л.А. Археологические памятники...- С.6.
53. Там же.- С. 58.
54. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей...- Рис. 86.
55. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...- С.32, рис. 29,30.
56. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее...- С.205.
57. Там же.- С.206.
58. Худяков Ю.С. Уйгуры на Среднем Енисее // Изв.СО АН СССР.- Сер.ист.-филол., филос.- 1985.- № 14.- Вып.3.- С. 55-59.
59. Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов // КСИИМК.- М.; Л., 1947.- Вып. 16.- С.94-96.
60. Бартольд В.В. Киргизы // Соч.- М., 1963.- Т.2.-Ч.1.- С.489.

61. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX – XII вв. – Новосибирск, 1947. – С.30.
62. Худяков Ю.С. Типология погребений VI – XII вв.... – С.202.
63. Худяков Ю.С. Типология и хронология средневековых памятников Табата // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск, 1985. – С. 93.
64. Худяков Ю.С. Типология погребений VI – XII вв.... – С.203.
65. Николаев Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. – 1973. – № 2. – Рис. 2.
66. Николаев Р.В. Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С.131.
67. Троицкая Т.Н., Новиков А.В., Сальникова И.В. Погребения с сожжениями могильника Каменный мыс // Вопр. древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984. – С. 81, 91, 92.
68. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С.126–128.
69. Худяков Ю.С. Типология погребений VI – XII вв.... – С.202.
70. Там же.... – С.202.
71. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате ... – С. 63–69.
72. Кызласов Л.Р. Тухтятская культура... – С.57.
73. Там же.... – С.55.
74. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов... – С.134–135.
75. Кызласов Л.Р. Тухтятская культура... – С.56.
76. Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1984. – Т.14. – С.96–98.
77. Худяков Ю.С. Типология погребений VI – XII вв.... – С.204.
78. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате... – С.117.
79. Худяков Ю.С. Типология погребений IX – XII вв.... – С.204.
80. Худяков Ю.С. Типология и хронология средневековых памятников Табата... – С. 96–98.
81. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате... – С. 74–78.
82. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X – XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 202.
83. Там же.... – С. 203.

84. Там же...— С. 206–207.
85. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов...— Рис.14.
86. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов...— С.136–137.
87. Кызласов И.Л. Аскизская культура в Южной Сибири X – XIV вв. — М., 1983.— С. 42–44.
88. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов...— С.125.
89. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...— С. 182.
90. Там же.— С. 184–203.
91. Кызласов И.Л. Аскизская культура...— С.67.
92. Худяков Ю.С. Типология и хронология...— С. 198.
93. Кызласов И.Л. Аскизская культура...— С. 64.
94. Там же.— С. 75.
95. Там же.— С. 64.
96. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...— С. 196–202.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы вынуждены ограничиться обсуждением вопросов этнонимии, происхождения и эволюции кыргызской культуры на протяжении раннего и развитого средневековья. В изучении кыргызской культуры не менее важны проблемы культурных связей кыргызов с другими странами и народами, социальной структуры общества, политической, военной и этнической истории. Некоторые из этих вопросов уже получили известное освещение в специальной литературе, другие — еще ждут своего решения.

Основным итогом проделанного исследования является вывод о принадлежности кыргызской культуры к кругу кочевых культур саяно-алтайского района центрально-азиатского историко-культурного региона в пределах евразийского кочевого мира. В этой связи представляется необоснованным выделение и противопоставление кыргызской культуры из круга родственных средневековых культур в качестве особого "северного центра исторической активности народов", являвшегося "срединным звеном" между "цивилизациями и культурами Запада и Востока" и одновременно особым "саяно-алтайским очагом цивилизации и культуры"¹. Для та-

ких броских, но, по существу, бессодержательных, эпитетов по отношению к **кыргызской культуре** нет никаких оснований. Наряду с общими для средневековых кочевых культур чертами у **кыргызской**, конечно, были свои особенности. Они объясняются периферийным положением территории обитания **кыргызов** по отношению к **центральным районам степной Азии**, архаизмом и застойностью некоторых черт материальной и духовной культуры в определённые исторические периоды, своеобразием этнокультурного окружения. Все эти особенности не заслуживают выделения в обособленный северный "центр" или "очаг цивилизации", так как являются не основными и не определяющими для этнокультурного облика **кыргызов**.

Весьма важен вопрос об исторических судьбах и наследии **кыргызской культуры** в культурах современных **тюркоязычных народов Азии**. Данные этнонимии свидетельствуют, что **кыргызы** вошли в качестве этнического компонента в состав многих современных **тюркоязычных и монголоязычных народов**: среднеазиатских (тяньшаньских) **киргизов**, **фуньйских киргизов**, **якутов**, **тувинцев**, **хакасов**, **башкир**, **ногайцев**, **калмыков**. Поэтому абсолютно неприемлемо объявлять **кыргызов** Енисея предками только **хакасов** и на этом основании переименовывать **кыргызов** в "древних" или "средневековых **хакасов**". Тем более, что достоверно известно, что предками **хакасов** являются племена **кыргызских кыштымов**, безусловно, отличавшиеся от **кыргызов** по своей этнической принадлежности, культурному уровню и находившиеся на протяжении многих столетий в политическом и экономическом подчинении у **кыргызов**. Как справедливо отмечал в своё время Н.А.Сердобов, "история современного **хакасского народа** не нуждается ни в ее удревнении, ни в идеализации, ни в приукрашивании, тем более за счёт искажения и умаления роли других народов"². Неверные оценки уровня социально-экономического развития и неоправданные этногенетические построения неминуемо искажают историческую перспективу, ведут к переоценке значения известных исторических событий, снижают возможности адекватного понимания закономерностей исторического процесса в средние века как в центрально-азиатском регионе, так и за его пределами. В частности, характеризуя события XIII в., Л.Р.Кызласов пишет: "Исторической заслугой древнехакасского государства является не

только принятие на себя первого удара, но и героическое воспрепятствование на протяжении нескольких десятков лет распространению улуса Джучи далее на Запад — на Восточную Европу, на Русь" ³. До сих пор в отечественной историографии считалось, что эта историческая заслуга — спасение Европы — принадлежит Руси, героическое сопротивление которой ослабило наступательную мощь татаро-монгольского войска ⁴. Вряд ли это мнение, основанное на анализе исторических событий периода монгольских завоеваний, подлежит сомнению в свете утверждений Л.Р.Кызласова: "... первый удар монгольских полчищ пришёлся по крайнему северо-восточному форпосту западного культурного мира. Его население героически сопротивлялось почти 90 лет" ⁵. И задержало распространение улуса Джучи на Европу и Русь "на несколько десятков лет". Для подобного заключения нет достаточных оснований.

В 1207 г. по распоряжению Чингиз-хана монгольское войско во главе с Джучи-ханом покорило "лесные народы" Саяно-Алтая. Причём, когда Джучи "подступил" к землям киргизов, "киргизские наёны явились к нему. Они выразили покорность и били государю челом, белыми кречетыми-шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями" ⁶. Где же здесь "героическое сопротивление средневековых хакасов" монгольскому завоеванию?

В 1218 г. киргизы присоединились к восстанию туматов, что вызвало новый поход Джучи-хана на Енисей. Монгольский полководец, "покорив и подчинив киргизов, вернулся назад" ⁷. В те же годы, с 1207 по 1218 г., монголы совершали многократные завоевательные походы на государства тангутов, чжурчженей, найманов. В 1209 г. монголам добровольно подчинились уйгуры. В 1219 г. начался поход Чингиз-хана в Среднюю Азию, на Кавказ, в Причерноморье и Поволжье. В 1237 г. монголо-татары начали поход на Северо-Восточную Русь. В 1241 г. Батый начал поход на Южную Русь, страны центральной Европы ⁸. Где же здесь "несколько десятилетий", задержавших "распространение улуса Джучи" на Русь и Европу? Наоборот, если бы правители киргизов и уйгуров не подчинились добровольно монголам, то их продвижение на Запад не было бы столь стремительным.

Позже, в 60 — 90-е годы XIII в., киргизы упоминаются в источниках в связи с участием в междоусобной борьбе монгольских

принцев за престол императора Юань, когда они подвергались насильственному переселению в Манчжурию и Китай⁹. Откуда же взялось "90 лет героического сопротивления"? Не кощунственно ли называть этими словами "выражение покорности", "битие челом", участие в гарнизонной службе в Каракоруме и другие факты истории кыргызов в период существования Монгольской империи? Справедливо ли приписывать ту горькую участь, которая выпала волею истории на долю Руси, мифической "древнехакасской цивилизации"?

Разумеется, добровольное подчинение кыргызов Чингиз-хану диктовалось сложившейся политической ситуацией, соотношением сил обеих сторон, было вынужденным шагом, предотвратившим в XIII в. повальное истребление населения Енисея. Не случайно, по наблюдениям И.Л.Кызласова, кыргызская культура в это время не претерпела "экономического упадка"¹⁰, как это произошло на Руси, подвергнувшейся жесточайшему разорению¹¹. В то время как другие страны, оказавшие героическое сопротивление монголам, лежали в развалинах, "средневековые хакасы", по наблюдениям И.Л.Кызласова, не только избежали "экономического упадка", но и сохранили своё положение "господствующего слоя" во всей Южной Сибири, активно ассимилировали часть "соседних этнических групп"¹² и даже распространяли влияние своей культуры на Прииртышье и Забайкалье¹³. Согласно точке зрения автора, всё это происходило на "каменном этапе аскизской культуры", датированном "XIII - XIV вв., а то и второй половиной XIII - XIV вв."¹⁴ Почему же Л.Р.Кызласов утверждает, что "древнехакасская цивилизация" была разрушена монголами и ей "не суждено было возродиться"¹⁵. Не согласуется это утверждение с результатами изучения "каменного этапа аскизской культуры". Как показали исследования кыргызских памятников монгольской эпохи, резкого экономического упадка на Енисее в этот период действительно не наблюдается¹⁶. Это произошло вследствие добровольного подчинения кыргызов Чингиз-хану, вхождения в состав Монгольской империи без кровопролитных широкомасштабных войн. Однако это подчинение, повлекшее за собой утрату независимости, включение в систему военных и фискальных повинностей в пользу монголов, участие в междоусобных войнах монголов отнюдь не способствовало "про-

цветанию" кыргызских земель под властью монгольских ханов. О медленном, но неуклонном регрессе кыргызской культуры свидетельствует количественное сокращение кыргызских памятников монгольской эпохи и сосредоточенность их в Минусинской котловине, а не по всей территории Саяно-Алтая, как в предшествующий период. В данном районе кыргызы продолжали находиться в вассальной зависимости от монгольских государств в XIII в., пока не были уведены джунгарами в Западную Монголию.

Основные достижения кыргызской культуры позднего средневековья были восприняты зависимыми племенами кыштымов, расселившись в степной зоне Минусинской котловины после ухода кыргызов. После слияния кыштымских этнических групп в единую народность, называвшую себя "хоорой" или "тадыр" и включившую в свой состав остатки кыргызского этноса, элементы наследия кыргызской культуры стали составной частью этнографической культуры нового этнического образования. Облик этнографической культуры коренного населения Минусинской котловины, получившего в 20-е годы XX в. наименование "хакасов", не тождествен кыргызской культуре средневековья. Весьма отличается от кыргызской погребальная обрядность хакасов, восходящая к заупокойным культам кыргызских кыштымов¹⁷. Сходство торевтики средневековых кыргызов с торевтикой современных хакасов не является определяющим, так как технология посеребления металлических деталей сборки распространяется в позднем средневековье очень широко. Прикладное этнографическое искусство современных бурят, монголов, тувинцев, алтайцев, киргизов, калмыков, казахов, кара-калпаков включает подобную технологию¹⁸.

Библиографические ссылки к "ЗАКЛЮЧЕНИЮ"

1. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 162.
2. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири // СЭ, 1971. — № 4. — С. 58.
3. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... — С. 165.

4. Пашуто В.Т. Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе.- М., 1977.- С. 213-215, 222.
5. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...- С. 165.
6. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.- М.;Л., 1941.- Т.1.- С. 174-175.
7. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей.- М.;Л., 1952.-Т.1. Кн.1.-С.151.
8. Тихвинский С.Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе.- М., 1977.- С.4-8.
9. Кычанов Е.И. Сведения "Юаньши" о переселениях киргизов в XIII в. // Изв. АН Киргиз.ССР.- Фрунзе, 1963.- Сер. обществ. наук.- Т. 6.- Вып. I.- С. 62.
10. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII - XIV вв. // СА, 1978.- № I.- С. 140.
11. Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе.- М., 1977.- С. 193-196.
12. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X - XIV вв.- М., 1983.- С. 67.
13. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов...- С.138-139.
14. Кызласов И.Л. Аскизская культура...- С. 67.
15. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...- С. 165.
16. Худяков Ю.С. Киргизы на Табате.- Новосибирск, 1982.- С. 204.
17. Худяков Ю.С. Эволюция погребального обряда хакасов // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири.- Новосибирск, 1983.- С. 13-25.
18. Павлинская Л.Р. Художественный металл как источник для изучения этнокультурных контактов // Этнокультурные контакты народов Сибири.- Л, 1984.- С. 99-113.

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ
В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛКАХ**

Общепринятые:

- АО - Археологические открытия
- ГИМ - Государственный исторический музей
- НАА - Народы Азии и Африки
- СА - Советская археология
- СО АН - Сибирское отделение Академии наук СССР
- СЭ - Советская этнография

Принятые среди специалистов-археологов:

- ВИ - Вопросы истории
- КАЭЭ - Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
- КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- ЛАИ - Лаборатория археологических исследований
- МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
- МЭ - Материалы по этнографии
- ТКАЭЭ - Тувинская Комплексная археолого-этнографическая экспедиция
- ТКЭИЭ - Тувинская Комплексная экспедиция Института этнографии АН СССР
- ТКОПОИРГО - Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела императорского Русского географического общества

ТС - Тюркологический сборник

УЗТНИИЯЛИ - Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории

УЗХНИИЯЛИ - Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

ОБ ЭТНОНИМЕ "КЫРГЫЗ"

10

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

36

ЭВОЛЮЦИЯ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

45

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

71

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛКАХ

77

Худяков Юлий Сергеевич

КЫРГЫЗЫ НА ЕНИСЕЕ

Учебное пособие

Темплан 1986 г., поз.374

Ответственный редактор
Н.К. Тимофеева

Редактор
Л.А. Горелова

Мл. редактор
Г.А. Родина

Корректор
Т.В. Сверчкова

Подписано в печать 23.06.86   Формат 60x84/16. МН 11263
Бумага писчая. Офсетная печать.   Заказ № 903
Усл. печ. л. 5. Уч.-изд. л. 5. Тираж 600 экз.   Цена 30 к.

Редакционно-издательский отдел Новосибирского университета;
участок оперативной полиграфии НГУ; 630090, Новосибирск, 90,
ул. Пирогова, 2.

30к.